

Кто в тереме?

детектив из глубинки

18+

Лидия Луковцева

Лидия Луковцева

Кто в тереме?

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Луковцева Л.

Кто в тереме? / Л. Луковцева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Много ли тайн может хранить старый купеческий особняк в провинциальном поволжском городке? Что знает о них ночной музейный сторож, на которого совершено покушение? Как замешан в этом плотник, ради которого одна за другой губят свои судьбы юные девушки? А главное, смогут ли раскрыть эти тайны и остаться невредимыми три неразлучные подруги-пенсионерки, снова вляпавшиеся в неприятности? Вторая книга серии "Детектив из глубинки" продолжает рассказ о простых жителях Нижней Волги и их непростых судьбах, трагедиях, счастливых и загадочных историях, во многом основанных на реальных событиях.

Содержание

Гарик	5
Лида	16
Людмила Петровна	26
Дуня Горохова	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Гарик

Ночь у Людмилы Петровны выдалась беспокойная. За стеной (домик ее был на две половины) у Херсонских шла какая-то возня, слышался бубнеж, всхлипывания.

С тех пор, как у ее соседа Гарика появилась новая пассия, вскоре приобретающая статус жены, в душе Людмилы Петровны воскресла надежда на спокойную жизнь. То ли это старая, окончательно почившая в бозе, как она уже себя уверила, надежда очнулась и глаза свои открыла, то ли возрастали хилые ростки новой, но с каждым месяцем надежда крепла и расцветала.

Гарик – Игорь Юрьевич Херсонский – в лучшие свои годы был похож на артиста Леонида Филатова: статный, поджарый, усатый. Усы были предметом его гордости и обожания. Когда он перед зеркалом подстригал отросшие волосы, нарушающие идеально ровную линию, то приятным тенорком мурлыкал:

*Усы гусара украшают
И таракану жить дают...*

О да, в те времена Людмила Петровна находила его тенорок приятным! Это потом, спустя годы, вкусив всех прелестей близкого соседства с запойным алкоголиком, она будет болезненно морщиться и говорить двум своим подругам:

– Ну, заблеял козлетоном!.. Теперь похабщина пойдет.

Похабщина звучала не всегда, но гимн усам Гарик исполнял в любом состоянии. Иногда, перебрав где-нибудь халявного угощения, он не успевал добраться до родного порога и испытывал действие закона земного притяжения прямо на одной из пыльных улиц родного Артюховска, маленького поволжского городка. Сердобольному прохожему, пытающемуся придать ему вертикальное положение, Гарик, оторвав от матери-земли припорошенное рыжей артюховской пылью лицо, доверительно сообщал:

*Усами девушек ласкают,
Усами улицу метут!*

Он как бы мотивировал бедственное положение, в котором на данный момент оказался.

Людмила Петровна Комарова, одинокая немолодая женщина пятидесяти семи лет от роду, большую часть своей жизни прожила в этом доме. Дом был еще крепок, хотя ему и перевалило за сотню. Строил его еще прадед ее бывшего мужа Толика. Правда, он заметно просел на один угол, но поднимать дом у Людмилы Петровны не было ни сил, ни средств, ни желания. Она жила по принципу: на мой век хватит. Не дует, крыша не течет, внутри – тепло и уютно, чего же боле!

Но если домом, в целом, она была довольна, то из-за соседей на судьбу роптала. Здесь наблюдалась полная невезуха. Когда-то прадед разделил дом на две части и в другую половину отселил вышедшую замуж дочь. Каким образом та половина перешла в руки чужих людей, история скрыла от Люси в своих анналах.

Когда юная Люся в роли Толиковой жены и на правах хозяйки переступила порог дома умерших к тому времени стариков, за стеной обитала одинокая бабушка, Надежда Александровна, незлая и невредная. Она была не совсем одинока. У нее постоянно обитали ЖИЛЬЦЫ, как она их называла. Иногда это были пришельцы, потом, вероятно, когда пришельцев призывал Космос, их сменяли призраки или какая-то другая сущность.

Девушку Люсю, воспитанную в духе атеизма, рассказы Надежды Александровны ужасно раздражали, но та, живописуя, упоминала такие реалистические подробности и детали, которые не выдумает даже воспаленный мозг, так что по спине Люси суетливо начинали бегать мурашки. Хоть Люся и считала, что старушка-соседка с большим приветом, оставаясь одна, вздрагивала при каждом шорохе и стуке. И, коря себя за жестокосердие, не слишком горевала, когда соседка ушла в мир иной по причине преклонных лет.

Наследники продали жилье бабушки Нади. Вот тогда Люся с опозданием осознала, что бабушка Надя была сущий клад, да и жильцы ее существовали только на ее площади, а на Люсину территорию не покушались и жизнь ей не отравляли.

Вселившийся новый сосед – старичок Иван Иванович – жизнь ей стал отравлять сразу же. Он принадлежал к мерзкой породе престарелых шалунишек-лапальщиков, которые в свое время чего-то не добрали в интимной жизни. С первых дней своего вселения он старался улучшить момент и приобнять Люсю, ущипнуть, хлопнуть по попе. При этом простосердечно, потечески улыбался, когда она, онемев от неожиданности, таращилась в возмущении.

Когда Толик однажды поговорил с ним по-мужски, Иван Иванович направил свое неудовлетворенное либидо в другую сферу деятельности. Он начал писать жалобы на молодых супругов по разному поводу и в разные инстанции, причем не анонимно, а под своей фамилией.

Если учесть, что был он участником Великой Отечественной и инвалидом труда (по пьяни, трудясь путевым обходчиком, попал под поезд, и ему отрезало половину ступни) и своим положением пользовался весьма умело, понятно, что молодым супругам жилось несладко. К счастью, как-то в сердцах Люся пожаловалась свекрови, та рассказала мужу, и свекор о чем-то переговорил с Иваном Ивановичем, тихонько, по душам. Дедок после этого буквально сочился ядом, но затих, а вскоре объявил продажу своей половины дома.

Увы! Приобрела дом одинокая женщина сильно за сорок, пережившая личную драму. Она в одночасье потеряла мужа (его у нее увели, но пребывал он в полном здравии у новой жены) и похоронила сына (лучше бы наоборот, восклицала новая соседка каждый раз, как разговор заходил на эту тему).

В такой тяжкий момент своей жизни попала она в сети «ловцам человеков» из какой-то секты. Как и многих других, отловили ее на улице две приличного вида немолодые женщины с постными, просветленными лицами. А немного времени спустя до молодых супругов Комаровых дошло, что за стеной у них – филиал церкви ли, молельня ли, место ли для шабашей. И нынешняя история показалась им во сто крат хуже, чем две предыдущих.

Как говорится, их жизнь вступила в пору зимы, и нужно было что-то предпринимать радикальное, поскольку у них подрастал сын, Виталик. Для юной неокрепшей души подобные

зрелища отнюдь не полезны, тем более что приходящие на спевки сестры и братья взялись привечать соседского сынишку и щедро угощать сладостями.

Из борьбы молодые супруги вышли победителями, но с большими физическими, моральными и финансовыми потерями. Сестры и братья дали Вере добро на продажу ее половины дома только после того, как Люся и Толик пообещали приплатить недостающую сумму для покупки ими отдельно стоящего, изолированного дома, без соседей. Толик шутил:

– Ну, Надежда и Вера уже жили у нас за стеной, теперь надо ждать Любови.

– Нет, – отвечала Люся, – по хронологии теперь должен вселиться мужчина. Как наши президенты чередуются: лысый – волосатый, лысый – волосатый!

Невезучая половина дома переходила из рук в руки, в промежутках пустовала или сдавалась квартирантам, а время сначала шло, потом бежало, после уже и летело. Люсины и Толикова любовь не выдержала проверки временем и бытом, и они расстались. Толик поселился у новой жены и благородно не претендовал на положенную ему по закону часть отеческого гнезда.

И вот тогда, в соответствии с Люсиной классификацией, их соседом опять стал мужчина – Игорь Юрьевич Херсонский, фельдшер станции скорой помощи.

В те времена он именовался Гариком только в узком круге родственников, друзей и любимых женщин. Руки у него были золотые, сердце доброе, характер незлобивый, и в старой части Артюховска он был нарасхват: капельницу поставить, укол сделать, давление померить. К нему бежали и днем, и ночью. Так и получалось, что помимо своей официальной работы с не такой уж большой зарплатой, он практиковал неофициально, не афишируя своей деятельности (времена были другие), при этом практика у него была широкой и доходы весьма приличными.

Поскольку накопительский инстинкт у Игоря Юрьевича напрочь отсутствовал, а семьи не имелось (вероятно, когда-то она была, но история об этом умалчивает), то ему ничего не оставалось, как тратить «левые» заработки на коньяк. Плюс к этому – бесплатный медицинский спирт и подношения в виде того же коньяка. И пошел необратимый процесс.

О женщинах Игоря Юрьевича можно было бы рассказывать долго. Для него тоже наука страсти нежной была «измлада и труд, и мука, и отрада», и он никогда не изменял принципу этики – о женщинах, как о покойниках, или хорошо, или никак. Не изменял он и своим эстетическим принципам в отношении женщин. «Искра пробежала» – это было не про него. У женщины должен был быть определенный социальный статус – парикмахерши, продавщицы, массажистки его не интересовали, даже на том этапе его жизни, когда сам он приобрел статус маргинала, а вышеперечисленные труженицы превратились в стилистов, менеджеров и специалистов по мануальной терапии широкого профиля. Ниже медсестры он не опускался. Имея за плечами багаж знаний медучилища, он никогда не переставал заниматься самообразованием.

Зоя Васильевна Конева, близкая подруга Людмилы Петровны, в бытность свою заведующей районной библиотекой, с придыханием рассказывала об одном из активнейших своих читателей – Игоре Юрьевиче Херсонском. Тот, по ее словам, совсем не читает ширпотреба – фэнтези, триллеров и боевиков, а следит за серьезными художественными новинками и не пропускает ни одного номера «Нового мира» и «Иностранной литературы». Женщина, которую выделял из толпы прочих его благосклонный взгляд, должна была помнить хотя бы два-три стихотворения из школьной программы, обладать чувством юмора, дабы не приходилось ей объяснять, в каком месте анекдота надо смеяться, уметь ходить на высоких каблуках и НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не носить химзавивку.

Женщины постоянно роились во дворе у Люси и Гарика. Случалось, одна еще не окончательно отчаивалась взять его в руки и превратить в полезного члена общества, а другая уже маячила в калитке, уверенная, что у нее-то все получится в деле перевоспитания обаятельного фельдшера и превращения его в порядочного семьянина.

Когда Игорь Юрьевич въехал в свое новое жилище, он и на Люсю обратил благосклонный взор. Конечно, дама значительно старше него, но сохранилась хорошо, есть в ней изюминка,

и речь правильная. Никаких тебе «каклета» и «вармишель», «ярманка» и «помидора». Ох, уж этот артюховский диалект!

Опять же, одинока и под боком!

Он, было, попытался сходу ее обаять, в уверенности, что особых усилий не потребуется, но Люся скроила такую гримасу и пошлепала губами – что-то прошептала про себя, что Гарик мигом понял: ему тут ничего не светит. Он был не в курсе Люсиной печальной истории и даже слегка закомплексовал, хотя в ту пору был еще ого-го!

Постепенно женщины отсыялись, а Игорь Юрьевич скатился к самому подножию социальной лестницы и превратился в Гарика-алкаша. Пол его берлоги был усеян бутылками различных калибров, а в последние годы – уже и пузырьками из-под спиртовых настоек. Слава богу, Гарик завязал с куревом из экономии, а то бы рано или поздно уснул с окурком, и полыхнули бы они за милую душу!

И на этом этапе биографии соседа на его жизненном пути возникла Лида. Она не носила высоких каблучков, а головку ее обрамляли кудельки неопределенного цвета. Видимо, химзавивку ей делала неопытная мастерица и сожгла волосы.

* * *

Под утро Людмила Петровна, наконец, крепко уснула, и ей даже что-то начало сниться. Из блаженного предутреннего сна она была выдернута самым немилосердным образом.

– Люся! Люсенька! – голосили под дверь. – Открой, пожалуйста!

В первый момент после грубого вторжения в глубокий провальный сон Людмила Петровна решила, что это опять безобразничает Ксюня. Ее трехцветная красавица достигла, по кошачьим меркам, весьма преклонных лет – ей исполнилось двенадцать. Она уже реже рвалась на ночные променажи, предпочитая активному общению с собратьями уютные вечера на хозяйском диване перед телевизором. Она и днем-то весьма неохотно покидала диван, а с приближением вечера буквально вжималась в него, впивалась когтями в плед и крепко зажмурилась, полагая, что сделалась невидимой.

Жестокосердая хозяйка отдирала ее вместе с шерстинками от пледа и вышвыривала на улицу. Как всякая нормальная артюховская кошка, проживающая в частном секторе, а не в благоустроенной квартире, Ксюня к лотку была не приучена, и свои естественные надобности справляла на улице. Возраст брал свое, и если в весеннее-летний период осуществление физиологического процесса было еще туда-сюда, то в осеннее-зимние слякоть и холода – просто туши свет!

Старость, как известно, – это дурные привычки. Ксюня уже позволяла себе несколько раз непотребства, когда хозяйка теряла бдительность или в морозы проникалась жалостью к не молоденькой своей подруге. Со временем они пришли к консенсусу: Людмила Петровна отправляла Ксюню погулять после обеда, дабы ближе к ночи та вернулась в тепло и комфорт.

Беда была в том, что пищеварительный тракт по заданному графику не всегда работает. Случалось, Ксюня гуляла безо всякого результата, возвратившись, терпела всю ночь, в надежде, что как-то само рассосется, но под утро физиология гнала ее к двери. Сначала она, понимая, что в данном конкретном случае не права, мяукала робко, вполголоса, но потребность становилась все насущнее, а мяуканье – все громче и продолжительней. Под конец это уже был один непрекращающийся вопль отчаяния. Хозяйка, вынырнув из сна, мчалась заплетающимися ногами на зов, а точнее, – гнусный рев.

– Люся! Люсенька! – голосила Ксюня. – Открой, пожалуйста!

Как провинциальная актриса в драматическом монологе форсирует звук, желая подчеркнуть трагичность момента, и переигрывает, так и Ксюня переигрывала.

– Брыс-с-са! – по-артюховски заорала Людмила Петровна, ненавидя в этот момент хулиганку.

Ей казалось, что заорала, на самом деле она только почмокала губами, поскольку Ксюня не прекратила голосить.

– Люсенька, да открой же! Ты там живая?

Ксюня была необыкновенно умной кошкой, но не настолько же, чтобы произносить человеческие слова. Такова была вторая мысль возвращающейся из глубокого сна в реальность женщины.

Наконец, она осознала, что вопли отчаяния издает под дверью ее соседка Лида Херсонская. Сон мгновенно улетучился, уступив место испугу. Людмила Петровна метнулась в коридор, сдвинула щеколду и распахнула дверь.

– Что? Что случилось? Что с тобой?

– Гарик пропал!

– Как пропал? Когда пропал? Я позавчера вечером его видела в окно, когда он на работу уходил!

– Вчера и пропал! С работы не вернулся!

– Фу, Лида! Напугала до смерти! – Людмила Петровна выдохнула и начала успокаиваться. – Ну куда он денется? Небось, запил и у кого-нибудь заночевал!

Лида даже рыдать перестала и так взглянула на соседку, что той стало нехорошо. Окаатила волной презрения, буквально!

– Гарик не пьет уже полтора года, если ты не заметила!

– Я заметила, но мало ли? – трусливо, но все же возразила Людмила Петровна. – Бывших алкоголиков не бывает.

– Бывают!!!

– Может, встретил бывших друзей... Не устоял...

– Бывшие друзья, которых ты имеешь в виду, в прошлом.

– Но ведь случается, что закодированные срываются?

– Гарик – не за-ко-ди-ро-ван-ный! – по слогам произнесла Лида. – Он просто завязал! Сам!

– Прости... я не знала...

Когда произошло это знаменательное событие, Людмила Петровна с Лидой еще не были особенно дружны, а потом, когда они сдружились, как-то неловко было затрагивать эту деликатную тему. Она и не затрагивала. Да и потом... Людмила Петровна жизнь прожила в уверенности, что чудес не бывает.

Правда, история, приключившаяся с ней и ее двумя близкими подругами без малого два года назад, такую уверенность слегка поколебала. Но ведь если чудеса и случаются, то не каждый день и даже не каждый год!

Потому она и была уверена, что Гарик в завязке долго не протянет. Однако, видимо, в небесной канцелярии тот период был обозначен как Год чудес не только для них с подругами. Этот год закончился, пошел второй, а Гарик не развязывал. Под благотворным влиянием Лиды он медленно возвращался к нормальной жизни...

– А ты на работу звонила?

– Звонила! Никита Михайлович вчера с утра был на деловой встрече, а Зоя твоя в налоговой. Никто не видел, когда он ушел.

– А в полицию?

– Ты издеваешься, что ли? Кто со мной там станет разговаривать? У них же эти «три дня», раньше которых о пропаже даже не говори! Да и какой мент в старом Артюховске не знает Гарика Херсонского? Он себе репутацию годами зарабатывал, теперь вот она против него и работает.

- А больницы?
 - Звонила! И в скорую, может, они на травму или ЧП какие ездили. А может, к ним забрел по старой памяти...
 - Ну, это вряд ли! С какой стати? Столько лет прошло! Кому он там нужен!
 - Да это я уже от безнадеги, так, на всякий случай предположила.
 - Что же делать, что же делать? – забормотала Людмила Петровна, пытаясь собрать мысли в кучку.
 - Люсенька! – опять заголосила Лида, пятерней вытирая распухший нос. – Давай его поищем! Я так боюсь, что с ним что-то случилось!
 - Да что с ним может случиться?
 - Да мало ли? Я чувствую, что-то случилось!
 - Где же мы будем его искать?
 - Я не знаю-у-у! – завывла волчицей Лида.
 - Да прекрати ты! – прикрикнула Людмила Петровна, а про себя подумала: «Вот это любовь!».
 - Ну, вот что, – по зрелом, но недолгом размышлении сказала она Лиде. – Ты иди выпей чаю, а я пока умоюсь да оденусь.
 - Я не хочу! В меня кусок не лезет!
 - Иди выпей чаю, я сказала! – рявкнула Людмила Петровна (она уже подмерзать начала в ночнушке в холодном коридоре). – Да включи телевизор, местные вести.
 - Ты думаешь?.. – помертвела Лида.
 - Да ничего я не думаю! Так, на всякий случай... А я все-таки Зое еще позвоню.
 - А потом? – присмирив и немного входя в разумение, спросила Лида.
 - Потом... Сходим на «биржу», поспрашиваем мужиков. Гарик там не один год ошивался. Может, какого-нибудь его друга вспомнят времен лихой молодости. Может, видел его кто.
 - Хорошо, Люсенька. Только ты уж побыстрей!
 - Да чего уж «быстрей»? Как будто эти работнички строго к восьми туда приходят.
- Люся покрикивала специально: она поняла, что только строгостью можно как-то сдерживать лавину Лидиногоря и дисциплинировать ее.
- Увы, подруга Зоя – Зоя Васильевна, работавшая экскурсоводом в музее купеческого быта, где сторожевал Игорь Юрьевич, как оказалось, была тоже не в курсе событий, о чем и сообщила Люсе по телефону.

* * *

«Биржей» в народе прозывали чахлый скверик возле рынка. Он представлял собой несколько подстриженных кустов желтой акации, да вечно изъеденные червями вязы, верхушки которых венчали вороньи гнезда. Еще там были два старых тополя с мощными корнями. Под землей они протянулись к самому тротуару и вспучили асфальт настолько, что вздутия можно было принять за лежащих полицейских, уложенных в сквере по прихоти чьей-то дурной административной головы.

О том, что это все-таки сквер, свидетельствовали четыре деревянные лавочки, потрескавшиеся и облупленные. А в центре возвышался, так сказать, скверообразующий элемент – памятник. Он изображал мужика в шинели, с девочкой на руках. Возможно, это был Феликс Эдмундович Дзержинский, олицетворявший борьбу с беспризорностью, поскольку сквер и рынок располагались на улице, ранее носившей его имя. Но когда началась эпопея с переименованием всего советского на все дореволюционное (в лучшем случае – нейтральное, не вызы-

вающее ассоциаций с «кроваво-красным режимом»), улица и сквер стали называться «Имени Победы».

В общем, памятник теперь вполне мог олицетворять неизвестного солдата со спасенной девочкой на руках. А какого конкретно исторического персонажа изначально изваял автор, из какой эпохи, теперь помнили разве что старожилы и краеведы.

Нынче скверик облюбовали маргинальные личности: безработные, бездомные, бичи и прочие «пролетарии». Лавочки, раньше разбросанные там и сям, нынче выстроились в каре, и практически весь световой день их облепляли, как саврасовские грачи березу, мужики всех возрастов живописного вида. Жаль, что столичным режиссерам не приходило в голову изредка наведываться в Артюховск: тут была готовая массовка для фильмов о сегодняшнем российском дне (в смысле дна).

Если бы не особые обстоятельства, при приближении к этому святому для нее месту у Лиды непременно затрепетало бы сердце: именно здесь судьба свела ее с Гариком в третий раз, и, как она полагала, теперь уже на всю оставшуюся жизнь. Увы, обстоятельства не располагали к сантиментам.

– Мальчики, – сказала Людмила Петровна, вежливо поздоровавшись, – нужна ваша помощь.

Польщенные «мальчики», недружно ответив на приветствие, однако приняли индифферентный вид и возвели очи горе. Наступал момент их торжества: у кого-то возникла в них нужда.

Всем своим видом они демонстрировали, что сидят здесь вовсе не для того, чтобы какая-нибудь безмужняя бедолага наняла их поднять упавший забор или вычистить выгребную яму. Просто дружной компанией дышат осенним воздухом. У них, типа, мужской клуб на пленэре. Во-первых. А во-вторых, может, они, наоборот, уже напахались с утра: разгрузили машину с песком, к примеру! И чтобы сподвигнуть их на новый трудовой подвиг, надо хорошо попросить! То есть, со всем уважением.

– От пятисот и выше! – небрежно уронил «бугор», бывший интеллигентный человек, с синюшным лицом, в бывшей серой, а сейчас просто засаленной шапочке-«презервативе».

– В зависимости от рода деятельности, – добавил он, секунду подумав.

– Мальчики, – попеняла Людмила Петровна их высокомерию, – не о работе речь. Гарика Херсонского вчера никто не видел?

– Гарика?.. – с пренебрежительным пониманием усмехнулся бугор. – Вчерашний день ищите, девочки. Гарик тут уже с год не появляется.

– Полтора! – автоматически поправила Лида.

– Надо же! Как летит время! – печально констатировал бугор.

– А мы вам не можем помочь? Вместо Гарика? Мы еще хоть куда! – подала голос длинная тощая особь с фингалом под левым глазом. То была претензия на юмор.

Коллектив дружно заржал.

– Мы подумаем над этим вопросом! – Поддержала шутку Людмила Петровна.

– Может, он с кем-то из вас дружил? – не потеряла присутствия духа и Лида.

– Он же интеллигент! – отверг такую возможность бугор.

– Да и вы, вроде, не лаптем щи хлебаете! – польстила Люся. Она изо всех сил старалась приноровиться к аудитории.

Мужчинка приосанился.

– А может, вы знаете, с кем он дружил? – гнула свое Лида.

– Может, и знаем... – обронил многозначительно еще один персонаж, в драповом пальтеце времен шестидесятых прошлого столетия. Склеротические жилки исполосовали его физиономию так, что казалось – он нанес себе на лицо клубничную маску и вышел из дома, забыв ее смыть

– Так скажите! – выкрикнула страдальца-жена.

– Даром и петух на курочку не залезет! – изъяснился афоризмом совсем молоденький и, похоже, уже совсем пропащий.

– «Спасибо» в кармане не булькает! – развила его мысль, тоже афористически, Клубничная Маска.

Люся с демонстративным треском расстегнула на сумке молнию и показала горлышко бутылки. Бутылка самогона имела у нее всегда для экстренных случаев.

Увы! Контакта не произошло. Мужики зажглись, было, но тут же и поскучнели, так как никто не мог припомнить, дружил ли с кем-то Гарик. Откуда им было это знать! Да и о какой дружбе могла идти речь! В их коллективе, мобильном и текучем, днем они были конкурентами, а по окончании трудового дня все расплзались по своим жилищам как-то пережить персональную ночь. Люся проигнорировала протянувшиеся к ней руки.

– Оплата – по завершении работы! В зависимости от результата! – адресовалась она к бугру и с тем же треском застегнула молнию.

– И чур, без фантазий, мы все проверим! – поддержала Лида.

«Садюга! Фашистка!» – могла бы прочитать Людмила Петровна в страждущих глазах, но ей недосуг было заниматься чтением.

– Я знаю, – раздался сиплый голос. Он исходил из недр невысокого коренастого мужичка в синей куртке из плащевки. Про таких говорят: неладно скроен, да крепко шит. Все головы синхронно повернулись в его сторону.

– Так поделись с нами своими знаниями! – велел бугор.

– Когда Гарик с нами гужевался, Витька Легостаев тогда еще на бондарном заводе работал. Пару раз он Гарика на подработку устраивал к себе. Они там ящики сколачивали для рыбозавода, на путину.

– И?..

– Потом Витек и сам к нам пристроился... А Гарик тогда от нас уже ушел.

– Ну?.. Пока что ты рассказываешь нам бородатые анекдоты!

– Сам такой! – обиделся Сиплый. – С месяц назад Гарик с Витьком тут трепались в сторонке. Витька потом хвастал, что Гарик его обещал к себе на работу пристроить. Типа, он добро помнит!

– Устроил?

– Откуда ж мне знать? – удивился мужичок. – Витек больше здесь не появлялся.

– А где этот Витек живет? – воспрянула Лида.

– Точно не скажу. Но вроде бы, в последнее время обитал на старых дачах.

– В расчете? – повернулся бугор к Люсе.

– Вполне, – солидно ответила та, хотя понятия не имела, чем эта информация им поможет.

Молния Люсиной сумки протрещала в третий раз. Треск ее прозвучал для страждущих потенциальных тружеников топора и лопаты как «Свадебный марш» Мендельсона для брачующихся. Самогон перекочевал в руководящие бугровские руки, а руки подчиненных дружно протянулись к нему с невесть откуда взявшимися в них пластиковыми стаканчиками.

Люся с сожалением проводила взглядом траекторию движения бутылки: апломб ее был показным, в душе она была далеко не уверена в равноценности обмена. Ее самогон был не просто самогон. Это была амброзия, напиток богов. Если переводить в денежный эквивалент, он был валютой, и, пожалуй что, даже не долларом, а евро. А она ни за понюшку табака, собственными руками отдала его этим синякам, для которых – что бормотуха, что настойка боярышника, все едино, лишь бы поправиться.

Процесса регенерации женщины уже не наблюдали, они поспешали к автобусной остановке.

* * *

Старые дачи уже приблизились к черте города. Как только там разрешили прописку, участки стали активно скупаться людьми с Кавказа и предприимчивыми аборигенами, в карманах у которых шелестели денежки. Скоро на месте слепленных из чего придется скворечников стали возноситься коттеджи.

Менялся ландшафт, менялся дизайн. Старые плодовые деревья вырубались, на их месте возрастали голубые ели, туи, араукарии. Новые хозяева, скооперировавшись, асфальтировали улочки, обустроивали подъезды к гаражам.

Протянулись коммуникации. Электричество, правда, там уже давно было подведено, теперь подвели и газ, и даже наблюдались кое-где канализационные колодцы. Но немало стойких дачников не желало продавать свои «фазенды». Старичье, прикипевшее к политым потом и кровью соткам, среднее поколение, не желавшее травить своих близких яблоками и помидорами с нитратами, молодые рациональные наследники, не имеющие достаточно средств в настоящем, но просчитывающие будущее – они в меру сил и возможностей обихаживали свои хибарки.

Большинство домишек в осеннее-зимний сезон пустовало, в немногих жили. Улочки были пустынные, и не у кого было спросить, где проживает Витек Легостаев. Не звонить же в звонок на художественной ковке калитке какого-нибудь коттеджа. Откуда его обитателям знать этот персонаж!

Наконец, на одной из улочек Люся с Лидой заметили бомжа. Бомж занимался рутинным делом – исследовал мусорный бак.

– Это ж надо, каких высот достигла цивилизация в Артюховске! – подивилась Людмила Петровна. Мусорные баки уже на дачных улицах поставили.

– Ну, ты палку перегнула. Поставили! Я только один и увидела.

– Важен прецедент!

– Чего?

– Того! Главное – начать!

Женщины направились к возможному источнику информации. Как оказалось, не зря. Мужик знал Витьку Легостая и, изнемогая от любопытства, объяснил, как попасть на его улицу и найти его домишко.

– Только он тут зимой-то не живет!

С трудом продравшись сквозь бесчисленные «а чо?» и «а зачем вам?», женщины все же добрались до сути.

Витькина улица оказалась крайней, дальше простиралась степь. Ее (улицу) еще не испортил ни один коттедж: то ли аборигены оказались самыми стойкими членами дачного кооператива, то ли им просто негде было жить, и они сопротивлялись натиску прогресса изо всех сил.

Во двор Витькиной дачи женщины не могли попасть при всем желании: калитка, правда, чисто символическая, была прикручена к опорному столбу несколькими слоями колючей проволоки. Недлинная песочная дорожка вела от калитки к дощатому домику. Крылечка перед домишком не имелось, только навес, и можно было разглядеть на входной двери амбарный замок. Все это: и никем не потревоженная мокрая тропинка, и намертво прикрученная калитка – просто вопили, что хозяева не появлялись здесь давненько.

– И что нам это дает? – задала риторический вопрос Люся. – Не похоже, чтобы тут жил кто-нибудь.

– Люсенька, пойдем к тому бомжику, может, он нам еще какую наводку даст?

– Ну, пойдем... – неохотно сказала Люся. Хотя особой грязи не было, некому было ее размесить в этой пустынной местности, но ноги разъезжались, идти было трудновато, и ботинки они угваздали.

Бомжик уже исчез, а вдалеке, в начале улицы, показалась свора собак всех мастей. Самая вредная, разумеется, сразу же звонко и вызывающе тявкнула. В любой стае есть «шестерка», чья роль – спровоцировать драку. Собратья дружно ее поддержали, но пока к активным действиям не переходили, лишь зафиксировали факт присутствия на их территории двуногих чужачек.

– Люся, – затрепетала Лида, – надо убежать! Они сейчас опомнятся и кинутся!

Людмилу Петровну собаки любили, но как поведут себя именно эти конкретные собаки, голодные и одичавшие?

– Бежать нельзя, тогда точно кинутся. Охотничий инстинкт же! Просто давай быстренько уходить!

И они резво направились в другой конец улицы, туда, где начиналась степь. Свора, было, устремилась следом, но не слишком охотно, далековато было. Постепенно лай стихал. Вероятно, самые ленивые или самые сытые шавки постепенно отсеивались.

Пара-тройка самых упертых все же проводила их почти до самого конца улицы. И только выгнав в степь, с чувством исполненного долга вернулась к коллективу.

– Ф-ф-фу, – перевела дух Людмила Петровна, – я вся мокрая! Прямо поджилки трясутся!

– Да уж, не приведи господи! – согласилась Лида. – Вот попали! Живыми бы не выпустили. И отбить бы нас некому было. Меня однажды собака покусала, я знаю, что это такое!

– А неслись-то мы, как по облакам, а не по грязи! Даже не вязли!

Некоторое время они, не смея поверить в избавление, передыхали, даже шапки поснимали – взмокли, то ли от бега, то ли от страха. Но постепенно в души женщин закрадывалась какая-то смута: то действовало на них уныние осенней бесприютной степи.

До горизонта тянулось покрытое жухлой рыжей травой пространство. Низкое небо как будто тоже испытывало силу земного притяжения и, удерживаясь из последних сил, норовило упасть на землю. Оно не было затянуто тучами, оно все было – одна сплошная свинцово-серая туча, переполненная влагой. Влага начинала произвольно сочиться с неба мелкой моросью. И тишина, первобытная, первозданная... Только вдали гул нечасто проезжающих по автостраде машин.

Необъяснимая, пещерная тоска подступала к сердцу.

– Надо выбираться отсюда к дороге, а то совсем увязнем. И вообще, какого черта мы здесь делаем?

– Давай выбираться. В какую только сторону? – согласилась Лида. – Назад нам путь закрыт. Хоть бы хлебушка догадаться взять в карман, для собачек.

– Кто ж знал, куда нас занесет?

И вдруг...

– Люся, – почему-то хриплым шепотом сказала Лида, – ты слышала?

– Да, – прошептала и Люся. – Вроде бы стон...

Они постояли, прислушиваясь.

– Да нет, показалось! Давай двигать отсюда.

– Нет, подожди! – глаза Лиды загорелись фанатичным огнем. – Слышишь?

Слабый глухой стон раздался снова. Даже не стон – мучительный полухрип-полувздок.

– Слышишь? Как будто слева?

– А мне кажется, как из-под земли!

Правы оказались обе: стон, еле слышный, доносился слева и из-под земли. А именно – из заброшенного сливного ли, водопроводного ли колодца, невесть кем и с какой целью вырытого тут, за окраиной цивилизации.

Выщербленная бетонная плита с отверстием была закидана ветками, поверх которых кто-то водрузил пустую коробку. В другой ситуации за это стоило бы сказать спасибо: чугунная крышка на колодце традиционно отсутствовала. Даже здесь, где не видно признаков разумной жизни на сотни метров окрест, нашелся зоркий глаз, разглядевший чугунный блин и утащивший его в пункт скупки металлолома.

С другой стороны, именно отсутствие крышки на колодце позволило услышать слабый стон.

– Гарик! – душераздирающим голосом закричала Лида, наклоняясь над колодцем.

Стоны больше не слышались. Колодец был глубоким, метра два, и на дне его, скрючившись, лежал мужчина.

– Гарик!!! – продолжала вопить обезумевшая Лида.

Людмила Петровна опомнилась первой и трясущимися руками выудила из кармана куртки телефон.

Лида

Лида Затюряхина родом была из Воронежской области. Папа ее занимал пост начальника милиции городка районного значения, а мама – главного бухгалтера жилкомхоза. Был еще брат Вова, на два года старше Лиды.

Папа, прошедший войну артиллеристом и закончивший ее в чине капитана, на войне неоднократно был ранен, украшен орденами и медалями, пил по-черному и бил маму смертным боем, мотивируя ревностью.

Мама была симпатичной женщиной, моложе на тринадцать лет, но от пребывания в постоянном страхе и стыде из-за суда людского – угасшей и какой-то скукоженной. При этом вечно в синяках. Кто бы рискнул на нее позариться?!

Папа был настоящим красавцем – высокий голубоглазый блондин. Он активно использовал и свою внешность, и свое положение, и у мамы было больше резонов ревновать, но папа раньше нее усвоил старую истину. Если большой вор будет показывать на маленького воришку и кричать «держи вора!», ловить станут маленького. Верят всегда тому, кто крикнул первым.

– Кобель! – шептались мама с подругой Зиной.

– И чего ты с ним мучишься? – возмущалась Зина. – Я бы уже давно ушла к кому-нибудь!

– Куда-а-а? – морщилась от ее крика мама. – К кому? Вон, двое их бегают. И он меня везде достанет. Да и потом, все другие, они тоже войной покалеченные. Кто в ногу или руку, а кто – в голову, как мой.

– Ну, твой от рождения, видать, в голову покалеченный!

Зина прибежала частенько, и своего добегалась: позже маме шепнули, что она – одна из многочисленных любовниц Федора Васильевича.

Жаловаться мама боялась, да и кому? В их городке папа был большим человеком, плюс славное фронтовое прошлое, награды, юридические курсы и Высшая партийная школа. Когда папу привозили домой в коляске мотоцикла и два дюжих милиционера затаскивали его бесчувственное тело в дом и укладывали на кровать, мама хватала кое-какие вещички, детей и убегала искать пристанища на ночь.

Со временем искать становилось все труднее, папа уже знал немногочисленные места, где его семейство могло укрыться. После того случая, когда он среди ночи ворвался в дом к Зине и вытащил маму из шифоньера (Лида и Вова прятались под кроватью), он пригрозил посадить Зину. Оповещенная об этом факте Зиной общественность, изо всех сил сочувствуя маме, опуская глаза, все же стала отказывать ей в прибежище. Мама не была бойцом, и ее стали посещать мысли о самоубийстве. Удерживала только мысль о детях.

Все же до Бога дошли мамины молитвы. То ли папа как-то накосячил по работе, то ли лопнуло у руководства терпение на предмет его пьянок, то ли младший коллега, озабоченный карьерным ростом, наступал – но в один, далеко не прекрасный для папы день, с работы его поперли.

В органы на работу папу не брали, нашел он место экспедитора на хлебозаводе, но самолюбие его жестоко страдало. Ему казалось, что все тычут в него пальцами. Впрочем, надо полагать, он был недалек от истины. Встал вопрос о переезде, а куда ехать? По зрелом размышлении решили – на родину мамы, в Артюховск.

Поселились в родительском доме, где бабушка, похоронив деда, жила одна. Папа томился, притих, пил редко и даже по пьяни рук не распускал – был пришиблен случившимся с ним, а поначалу просто стеснялся бабушки. Через год вдруг засобирился обратно на родину, позондировать почву. Недели две он отсутствовал, вернулся окрыленный и велел маме собираться. Он задействовал кое-какие старые связи, и его пообещали вернуть на юридическую стезю, если он согласится поехать в село – большое, райцентр! – на должность адвоката.

Мама, которая за год нормальной жизни отдохнула душой и телом, решительно отказалась. Даже перспектива остаться разведенкой с двумя детьми на руках и мизерными алиментами, чем попытался спекулировать папа, ее не пугала.

Папа уехал, стал сельским адвокатом, увез с собой Зину, женился на ней и жил долго и счастливо. Вроде бы, даже рукоприкладствовать перестал. А мама работала бухгалтером, прирабатывала шитьем, поскольку алименты были чисто символическими (папа ведь был юристом!) и продолжала отдыхать телом и душой.

Когда семья переехала в Артюховск, Лиде было 14. Возраст, в котором характер если и не сформировался окончательно, то в целом сложился. Ужас, пережитый в детстве, сопровождал ее всю оставшуюся жизнь. Она вспоминала, как прятали они с братом ножи, в ожидании возвращения припозднившегося, а стало быть, пьяного, отца. Как отец избивал маму табуреткой, норовя попадать по голове, а Лида так кричала, что сорвала голос. На другой день, выйдя к доске отвечать, она только сипела, показывая на горло.

– Мороженого переела? – спросила учительница.

Она кивала: да, мороженого.

В городке все обо всех знали. Знали, что начальник милиции пьет и держит в страхе семью. Брат был сердечником, и мама помучилась, выхаживая его по больницам да санаториям.

Они росли детьми зажатými, неуверенными в себе (сейчас психологи формулируют это как закомплексованность и низкую самооценку), хотя были умненькими и учились хорошо. Оксана, Лидина дочь, – совсем другая: бойкая, за словом в карман не лезет, прекрасно ориентируется в обстоятельствах. Себя в обиду не даст никому. Открыла свое дело, командует мужем. И с жалостливым презрением относится к матери – рохля, неудачница! Лида полагала, что гены генами, но главное – семейная обстановка, в которой растут дети и формируется их характер.

Мама, от спокойной жизни постепенно начав распрямляться, скоро распрямилась совсем. Через два года, вскоре после смерти бабушки, она привела знакомиться Павла Егоровича – дядю Пашу. Маме в ту пору было слегка за сорок, но для дочери она была старухой, и Лида бесилась неимоверно при мысли о постельных отношениях мамы и дяди Паши. А как

было не возникать этим мыслям, если еженощно тишину нарушал мощный ритмичный скрип кровати и прорывались задушенные стоны. Мама, дорвавшись на пятом десятке до нормальной женской жизни, чувств дочери (брат уже был в армии) не щадила. Да и как их можно было шадить в маленьком домике с дощатыми перегородками?

Лида по утрам отводила взгляд, а если приходилось встречаться с матерью глазами, думала ей прямо в лицо: «Старая шлюха! Еще вздумает ребеночка родить!»

Но был и положительный момент. Как ни странно, с дядей Пашей у Лиды сложились нормальные отношения. Это сейчас – педофил за каждым углом. Лиде ничего такого не грозило. У дяди Паши и мамы была любовь. Они обнимались, хихикали и перемигивались, придумали друг другу клички – Пашунчик и Вавочка. Как-то Лида похвасталась, что мальчишки похвалили ее ножки.

– Ну-у-у, – сказал дядя Паша, – у тебя пока еще только две спички. Вот у кого ножки! – и нежно прижал к себе мать.

А то норовил измерить ее талию двумя руками и сетовал:

– Пальцы коротковаты, чуть-чуть не хватает.

Когда у мамы начал расти животик, Лида задумала уйти из дома. Ей было 17, и трезво оценить ситуацию она не могла. В ее планах было пожить у подруги, пока придет ответ от отца. Как будто у подруги не было своих родителей, а у отца – жены!

Мама, увидев, как Лида собирает в сумку вещички, дала ей пощечину. Дочь, рыдая и сотрясаясь от обиды и ненависти, как смогла, высказала все, что думает о поведении матери. Потом поплакали уже обе, сидя каждая на своей кровати, и пришли к консенсусу: Лида никуда не уйдет, пока не придет ответ от отца. А там – как пожелает, но пусть подумает, что ей надо окончить школу и поступить в институт, а отец живет все же в селе – какая там подготовка?

Отец прислал коротенькое аргументированное письмо с объяснением, почему он не может взять дочь к себе – одно сплошное беспокойство об ее же благе.

У мамы родился мальчик с синдромом Дауна. Лида тогда в сердцах подумала, чего было ждать другого, учитывая возраст и условия ее прежней семейной жизни! Мама, намучившаяся в свое время с братом Вовой, теперь мучилась с Сереженькой, и естественно, Лида была вовлечена в этот процесс. «Не себе – мне его родила!» – злилась она про себя.

Ни привязаться к ребенку, ни полюбить братика она не успела – он умер в два года. Горе Вавочки и Пашунчика было безмерным. Но Лиды уже не было в их доме.

...Как-то сидели с девчонками на лавочке на вечерних посиделках. Нашлась у кого-то тетрадь и карандаш, забавы ради начали показывать друг другу, кто как расписывается. Подошедший парень-сосед, недавний дембель, присел, принял участие в забаве. Девчонкам льстило внимание взрослого парня, они защебетали, заохорашивались и начали друг перед другом выпендриваться. Это для них, семнадцатилетних соплюх, он был взрослым и бывалым, а фактически – пацан двадцати двух лет, недалеко ушел! И Лида тоже, засмущавшись, сидела – ни жива, ни мертва.

– Смотри-ка, – сказал парень, – у нас с тобой росписи одинаковые!

Лида расписывалась – «ЛЗатюр», «т» у нее была с одной палочкой, как печатная, парень – «ЛЗадор», «д» как «о» с хвостиком наверху, с одинаковыми завитушками в конце. Звали парня Леонид Задорожный.

– Судьба тебе – выйти за меня замуж. И расписываться по-новому учиться не надо.

Лида, начитавшись классической литературы, уже ждала своего принца, одноклассники были ей не интересны. А тут – взрослый парень и такой знак судьбы – сходство фамилий и одинаковая роспись! Гормоны уже играли вовсю. Она не знала, читал ли он Экзюпери и Грина, пишет ли без ошибок (это был ее критерий). Она просто начала думать о нем и обмирать в его присутствии.

Ни для подружек, ни для Лени это не осталось незамеченным. Очень скоро Леня ее поцеловал – ее первый поцелуй! В Лене тоже бушевали гормоны. События совершались стремительно.

К чести Лени, он не просто «использовал» девушку. Она ему нравилась всерьез. Вскоре он предложил ей перейти жить к ним с матерью, поскольку о регистрации говорить не приходилось – Лиде не было восемнадцати, а регистрироваться по справке о беременности через райисполком она не хотела. Да и в школу с пузом ходить – умерла бы со стыда, одна из лучших учениц! Так и оканчивала школу – ни мамина дочка, ни мужняя жена.

В школе, конечно, знали о пикантной Лидиной ситуации, но предпочитали свое знание не афишировать: хорошая девочка, до аттестата рукой подать, зачем ломать ей жизнь. Родила Оксану через полгода после вручения аттестатов. У Лиды была золотая медаль, но ей она в дальнейшем не пригодилась.

И понеслась жизнь. Леня выпивал в меру, не рукоприкладствовал, зарплату отдавал ей полностью, даже заначек не делал. Рыбаки на берегу смеялись: Леня курит сигареты «ККД» – кто какие даст.

– Ленчик, тебе жена что, и на сигареты не дает?

– Не дает! Жадная, стерва.

– Ну, ты попал!

Это у него такая отмазка была. Он сам был скуповат, а на берегу только дай один раз закурить – заездят: на халяву много желающих! А так – и не просят, знают, что у него никогда нет.

Как же Лиде было с ним скучно! От чего она когда-то млела и таяла? Задним числом она понимала, что все дело было в физиологии и желании уйти от матери, и по молодой глупости выдала желаемое за действительное. Все раздражало ее в муже: как чавкает при еде, прищипывает зубом после, как говорит «впрочем» вместо «в общем», «ворота» и «подошва» с ударением на «а». Но главное – его необразованность, неразвитость и нежелание чему-то учиться.

Лида сразу после декретного отпуска пошла работать на швейную фабрику, оставив Оксанку на попечение свекрови. При том, что работа была в две смены, при куче домашних дел и маленьком ребенке, она не переставала много читать, любила познавательные телепрограммы. У Лени все интересы – рыбалка да карты-домино с мужиками на лавочке.

Она стала его стесняться, если изредка приходилось выбираться в кино или – силы небесные! – в театр! Но самое тяжкое – физиологическая сторона ее семейной жизни. Очень скоро муж стал ей неприятен, а приближающаяся ночь надвигалась неизбежным кошмаром.

Лида стала постепенно сгибаться и скукоживаться, как когда-то ее мать, хотя, по меркам матери, она жила – как сыр в масле каталась. Леня драчуном не был по характеру, да и Лида, придя к нему в дом, предупредила крайне серьезно: тронешь пальцем – уйду. Но в силу мягкотелости и инертности характера, она ничего не предпринимала, чтобы как-то изменить жизнь. Как ее изменить?! Оксанка любит отца, он в ней души не чает, хозяин, заботливый... Люди ее не поймут, скажут, с жиру бесится. Так и прожили тридцать лет без малого.

Ах, да. Гарик. Было ей 38, когда случилось заболеть – воспалился аппендикс. На вызов приехала бригада Игоря Юрьевича. Он был за врача. Изнемогающей от боли Лиде показалось, что боль отступила, как только он вошел в комнату. Длинными тонкими пальцами он не помял – нежно погладил ей живот, положил прохладную ладонь на лоб – и Лиде стало лучше, показалось – и боль уменьшилась.

– Несите носилки, – сказал медсестре. – Водителя зови, поможет вынести.

– Может, не надо?.. – пискнула Лида. – Кажется, мне получше стало...

– Правда, может, обойдется? – присоединился Леня.

Доктор ласково Лиде улыбнулся:

– Сегодня я здесь за главного!

А Лене сказал:

– Вы что, мечтаете стать поскорее вдовцом? Имея такую красавицу-жену?

Леня залопотал что-то оскорбленно, но доктор его прервал.

– Давайте переложим на носилки. Поможете вынести. И соберите необходимые для больницы вещи.

Ее очень своевременно прооперировали, мог случиться перитонит. И больше Лиде с красивым доктором встречаться не приходилось, но светлый его образ остался в ее душе навечно.

Постепенно из знакомых медицинских и околomedicalных артюховских кругов Лиде удалось узнать фамилию доктора, а имя она уже знала – его коллеги из бригады обращались к нему тогда. Потрясающие имя и фамилия: грассирующие, на французский манер, тягучие, как зрелый мед, от обилия гласных. Музыка небесных сфер!

В случайном разговоре с медсестрой, работавшей в медицинском кабинете их швейной фабрики, Лида узнала, что живет он на улице Пожарского. Медсестра Оля, как бывшая однокурсница, побывала у него в гостях однажды, после встречи выпускников (по ее версии). От Оли же, в другом разговоре, Лида узнала про репутацию Игоря Юрьевича – несусветного бабника.

Она не разочаровалась, образу доктора это только добавило шарма. В своих расспросах Лида вела себя крайне осторожно, была всегда начеку, как сапер на минном поле: не дай бог, кто-то что-то заподозрит. Что люди подумают!

Ее помешательство дошло до того, что она стала возвращаться с работы другой дорогой. Лида делала изрядный крюк, чтобы всего лишь пересечь улицу Пожарского, в надежде совершенно случайно столкнуться с Игорем Юрьевичем и поздороваться с ним, а на его удивленное «мы знакомы?» напомнить тот давний вызов к ней. Судьба не посылала ей встречи, а организовать встречу самой Лиде и в голову не приходило.

С годами острота эмоций притупилась, но тут у мужа прихватило сердце. Гарик, которого уже и «не ждали», на излете своей карьеры прибыл на вызов. Уже прилично помятый жизнью, уже не столь неотразимый, но он вошел – и у Лиды оборвалось сердце.

В третий раз судьба свела их на «бирже». Похоронив мужа (инфаркт, неждан-ный-нежданый), Лида пришла нанять какого-нибудь мужичка, чтобы спилил и выкорчевал старую сливу, толку от которой уже не было никакого. Осуществлять эту акцию выпало Гарику, хотя Лида понимала, что для него это будет весьма затруднительно – он был очень худ и выглядел нездоровым. Можно было для такой работы выбрать и покрепче мужика.

Гарик ее не вспомнил. Сначала она его покормила, налив стопочку для аппетита, потом повела показывать свое ухоженное хозяйство и предстоящий объем работ. Это отняло довольно много времени, но позволило им пообщаться и обрести друг в друге родственную душу. Оба были приятно удивлены совпадением вкусов и интересов.

Там и обед подоспел. Лида за компанию тоже выпила пару рюмок. Гарик, окосевший не столько от выпитого, сколько от сытной еды, да еще и начинавший грипповать, совсем осоловел, но перья распушить он умел в любом состоянии. Лида имела случай убедиться, что сердце ее не обманывало.

Гарик проснулся от аромата куриного бульона, в белоснежной постели. Как он в ней оказался, он помнил смутно, буквально отключился. Не помнил он и последующих событий. (Собственно, «последующих событий» и не было, не тот у Лиды был характер). Из предыдущих событий последнее, что помнил – вечернее чаепитие.

Когда он, томясь, заикнулся о выполнении своих трудовых обязанностей, хозяйка всполошилась:

– Куда? С температурой-то! Пусть растет! Может, еще будет от нее какой толк этим летом, еще разок варенье сварю.

* * *

В реанимации Гарика продержали почти неделю. Потом ему стало лучше, а больничный конвейер работал безостановочно: привезли свеженького, с тяжелой травмой. Гарика перевели в послеоперационную палату на четверых.

Лида была при муже безотлучно, спала на стуле, головой опираясь на спинку его койки. Свободных коек в палате не было. Она протирала полы в палате вместо санитарки («не в службу, а в дружбу!»), совала сотки и пятисотки в карманы белых халатов, согласно ранжиру, на время обходов испарялась. Лишь бы не гнали!

Замначальника отдела уголовного розыска Бурлаков, опрашивая потерпевшего, испытал укол зависти: это ж надо, какая любовь! И к кому – алкашок, бич. Он слегка морщился, слушая горячечные речи супруги потерпевшего о покушении. Собственно, Бурлаков и явился-то сам в больницу лишь потому, что заявление в полицию было составлено именно так, с требованием расследовать дело о покушении.

Жаль, сразу с материалом не ознакомился, поленился, а то, если бы знал заранее подноготную, отправил бы кого-нибудь из оперативников, а то и вовсе сплавил бы дело по прямому назначению – участковому. Ну какое покушение, на кого тут покушаться? «Хулиганка», без сомнений! Выпили, подрались, приложили хорошенько по голове, а потом испугались, что убили, и бросили в колодец.

– А что он делал на заброшенных дачах?! – зловеще вопрошала Лидия Федоровна, когда Бурлаков в очередной раз подвергал сомнению ее доводы.

– Пил, что же он там делал!

– Сколько раз вам повторять, он не пьет! Я не знаю, что должно было случиться, чтобы он выпил! Что, вернее, кто, мог заставить его выпить! Нашли у него в крови алкоголь?

Бурлаков кисло улыбнулся. Не говорить же этой горем убитой милой женщине, что и заставлять-то шибко сильно не требовалось... Он, естественно, уже позвонил, куда надо, и прояснил для себя краткую биографию Игоря Юрьевича – Гарика.

– Нашли, конечно. В таком количестве, что на двоих с лихвой бы хватило. Вот ему станет лучше, и он сам нам все расскажет!

Пока же Гарик не говорил – шелестел что-то почти неслышно. Состояние тяжелое, но стабильное. Упал он с довольно большой высоты, а на дне колодца была груда битых кирпичей.

Многочисленные ушибы и повреждения, да два серьезных перелома могли быть следствием падения. Но могли и не быть. Как минимум по черепушке его хорошо приложили еще до колодца, это однозначно. Судя по найденным в ране занозам, били чем-то деревянным. Причем, травма оказалась глубокой, а к содранной коже, как рассказал врач из «скорой», прилипли кусочки старой краски – белой и синей. Значит, нападавший использовал не просто доску или палку из штакетника, а нечто тяжелое и не один раз перекрашенное. Что именно – пойдя угадай.

Плюс, оглушенный Гарик провел целую ночь на земле, в сырости. А куртку и ботинки с него сняли. Еще одно свидетельство, что собутыльники позарились? Или беглый вор, из тех, что отсиживаются подальше от посторонних глаз на брошенных дачах? Или шпана местная? Бог его знает.

Жена говорит, куртка была приличная. Ноябрь в этом году хоть и теплый стоял, даже для их южного края, но все же плюс пять, не лето красное. Да дождичек, да ветерок – переохладение. Как следствие – двухсторонняя пневмония. К тому же, не мальчик, полтинник одолел. И бурную биографию нужно учесть, общую ослабленность организма.

Но не зря говорят, что пьяным Бог помогает. Трезвый человек при таком раскладе уже точно в морге бы находился. Вовремя она его нашла, жена-то. Еще денек пролежал бы там – все, хана мужику.

Но какая интуиция!.. Неужто и правда, у некоторых женщин сердце – вещун? Только не у его собственной жены, увы...

А с другой стороны, действительно, чего это Гарик поперся на дачи, отдежурил в музее? Распить бутылку можно и в сквере на лавочке, если так загорелось. Или уж в гости к себе пригласить, или самому в гости пойти... А может, он и сходил в гости?

Супруга продолжала рассказывать о своем совместном с соседкой расследовании.

Батюшки-светы! Соседка оказалась старой знакомой! Бурлаков мысленно перекрестился: к добру или к худу появление в этой истории Людмилы Петровны?

В прошлый раз, нужно признаться, она со своими двумя подругами неплохо поработала. Хотя их сыскной метод – всего лишь умение слушать сплетни да байки и сводить воедино концы! Да даже и не сводить, их как бы сама судьба подталкивает.

И сейчас, во всяком случае, их поход на «биржу» имел несомненный результат: полицейским «биржевики» ничего бы не рассказали из классовой неприязни. Будем откровенны, ему и самому не пришлось бы в голову идти туда за информацией. А так – нарисовался некий бывший кореш Игоря Юрьевича Херсонского – Виктор Легостаев, вроде бы проживающий на дачах, но не известно, где пребывающий на данный момент. Хоть какая-то зацепка.

А потерпевший пусть пока оклемаывается, выздоравливает. Пару-тройку дней можно его не беспокоить. Бытовуха, не резонансное же преступление.

* * *

Гарикку поставили капельницу, нужно было не прозевать, когда закончится раствор во флаконе. Медсестричка Оленька, прошебетава Лиде руководящие указания, упорхнула – то ли истории болезней заполнять, то ли вздремнуть в ординаторской. Но, вполне вероятно, на ночное randevu с молодым симпатичным больным, который ждал ее в одном из укромных уголков старинного длинного двухэтажного здания артюховской городской больницы.

Мужская палата спала, всхрапывая, стеная, вскрикивая. Один – тот, что в углу у двери, ругался с кем-то, причем разговаривал вполне членораздельно, изъясняясь отборным матом.

«Даже во сне матерятся. Не маму зовут, не жену – все воют с кем-то. Ну, мужичье!» – поражалась Лида. Гарик тоже, бывало, храпел. Когда Лида в шутку пеняла ему утром, он и отшучивался чужой шуткой:

– Я не храплю! Мне снятся мотоциклы.

А когда она после регистрации, по бабьей отвратной манере, изредка начинала приставать к мужу на тему, счастлив ли он, он сокрушенно пожимал плечами и тянул задумчиво:

– Ну... Естественно. А куда деваться!

Она-то знала, что и он счастлив.

Лида изо всех сил боролась со сном. Днем ее подменила Люся, буквально вытолкала домой – поесть, помыться и хоть пару часиков вздремнуть. Какой там был сон! В глаза как будто спички вставили! А сейчас мужской храп звучал для измученной Лиды слаще колыбельной.

Она все же провалилась в сон на какое-то время, потом вскинулась, как будто кто в бок толкнул. Нет, слава богу, жидкости в пузырьке еще оставалось прилично! Но если она еще раз вот так отключится – запросто прозеваает момент, когда пузырек надо будет менять!

Лида, тихонько отодвинув свой стул к стенке, вышла из палаты – решила пойти умыться, чтобы прогнать сон. Умывшись, некоторое время постояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Несколько неказистых сосен, растущих в больничном дворе, с высоты второго этажа не выглядели однобокими и жалкими, наоборот. Ночь превратила их в роскошных красавиц, а сыплющаяся с неба морось и свет фонарей посеребрили. Словно инеем припорошенные, свер-

кали они, напомнив Лиде городок ее детства. Не слишком счастливого детства, но и в детстве несчастливом есть моменты, при воспоминании о которых сладко щемит сердце...

Зимой по пути в школу сойдешь, бывало, с накатанной дороги, к которой вплотную подступает сосновый молодняк, и, проваливаясь в сугроб, с ближней молоденькой сосенки отломить ветку с шишками. И весь день она у тебя в парте источает немислимый хвойный дух, рождая ощущение праздника.

А летом? Их с братом Вовой довольно часто посылали в гости в деревню к тетке – двоюродной сестре отца. Шесть километров лесом, правда, по прямой накатанной дороге, но разве сейчас такое можно представить? Маньяки, педофилы, киднэпперы, да и – все-таки лес!

Конечно, в то время Лида уже была знакома со сказкой про Красную шапочку, но никаких аналогий у нее не возникало. К тому же, она ведь была с братом! И они шли, горланя песни, иногда сходили с дороги и, далеко от дороги не отходя (все же родительские инструкции были суровы и четки), собирали землянику, случались и грибы. Маслята росли под соснами, упругенькие «сопливчики», с приставшей к шляпке сосновой иголочкой.

Иногда проезжала телега, и их подвозили, изредка случалась и машина. Конечно, «милицейских детей» многие в округе знали, но ведь наверняка были у отца недоброжелатели, да и враги. А вот поди ж ты... Нет, что ни говори, время было другое, люди другие.

Лида не очень любила эти походы-поездки в Жихаревку, особенно зимой. У тетки было шестеро детей, и спать Лидушку укладывали почему-то всегда на русскую печь, с двумя младшими девочками. Эти малышки, шести и семи лет, очень ловко скатывались с печи, а гостья, старше них на три и на два года соответственно, трусила, высоты боялась, да и не знала тех опор-выемок, с помощью которых малышня играючи слетала с верхотуры. И, когда ночью возникала необходимость пописать, застенчивая Лида терпела, сколько могла, а потом, не хуже Люсиной Ксюни, начинала скулить.

Младшая из сестер была Лидиной тезкой, но, в отличие от Лиды (Лидушки) звалась Лидуней. Она была сущим дьяволенком, и в тандеме кузин-тезок играла ведущую роль.

Как-то шли они компанией ребятни на пруд купаться, Лидушка с Лидуней – последними, в хвосте. Навстречу соседка несла на коромысле ведро с водой. Лидуня, поравнявшись, плюнула в ведро. Вечером бабушка спросила у внучки:

– Лидуня, а зачем ты плюнула-то в ведро?

Малолетняя преступница, потирая следы материнской педагогики на заднице и сотрясаясь от затухающих, остаточных всхлипов, попробовала проанализировать случившееся.

– Водичка была такая гладкая, ровная, мне захотелось, чтоб она поколыхалась.

Лидуня же была автором оригинального ноу-хау. Когда перед поздним ужином отмытую ребятню отпускали ненадолго на улицу, Лидуне очень хотелось сменить угвазданное за бурно прожитый день платьице на чистое, как старшая сестра к вечерним посиделкам. Но кто ж ей позволит – перед сном-то, второе платье за день? Где же их набрать столько, платьев-то?

Лидуня переворачивала платьишко задом наперед и шла на бревна к общественности в чистом платье. Она интуитивно чувствовала, что важен фасад, а на тыл не всякий посмотрит.

Она же преподавала городской Лидушке из культурной семьи мастер-класс по матершине. Странно, но Лида не помнила, чтобы отец ее даже в пьяном виде матерился. Казалось бы, крестьянских кровей, прошел фронт, университетов, как говорится, не кончали, а вот поди ж ты... То ли уж так хотел соответствовать статусу руководящего товарища, принадлежащего к сливкам общества городка районного значения. То ли мама, матерщины не выносившая, умела как-то влиять? Во всяком случае, в их доме нецензурщина не звучала.

С каким же ужасом и тайным восторгом приобщалась Лидушка, благодаря Лидуне, к сокровищнице русского мата! Гостевать в селе у тети Раи Ломовцевой не означало целыми днями болтаться на улице, объедаться яблоками и сметаной, купаться в Грязном озере. Город-

ских гостей задействовали в посильных работах. Лидушка с Лидуней пасли гусей на лужке за деревней. Тут-то Лида и попробовала на вкус впервые табуированные слова.

Табу, конечно, было формальным. Матерились в деревне все – женщины, подростки, старики. Если же родители слышали ругательство от своего дитяти, вступал в силу воспитательный момент.

– Как вмажу сейчас по губам! – звучало беззлобно, в профилактических целях. – Еще молоко на губах не обсохло!

– А вам можно?!

– Нам – можно! А ты шнурки под носом завяжи!

На пустынном лугу, где соглядатаев и наушников, кроме гусей, не было, можно было оторваться по полной. Они орал похабные слова, стараясь перекричать друг друга, и валились в траву от хохота. Слышала бы мама!

А какие частушки, соленые, скабрзные пела тетя Рая, когда случались застоля! Подразумевалось, что дети спят уже в соседней комнате, за шторкой, по крайней мере, обязаны! Она умела играть на балалайке, и когда гости доходили до нужной кондиции, наступал ее коронный выход. Лида одну до сих пор помнит, потому как исполняла ее перед матерью. Самую приличную.

Говорят, после измены

Куска хлеба не едят,

А у меня после измены

Килограммами летят.

Нет, не Жихаревка, вспомнила Лида. Жердяевка – вот как называлась деревня!

Все связи с той родней были оборваны, мама постаралась забыть свое прошлое как страшный сон. А ведь именно там Лидушке был преподан первый урок честности! Второго не потребовалось – она хорошо усвоила, что красть – стыдно.

Лазить по чужим садам считалось шалостью, а не воровством, и, когда Лидушка подбивала на этот подвиг сестру-гостью, она обставляла это дело именно как подвиг: слабо тебе? Почему-то на сей раз в действие был вовлечен и Вова, обычно тусивший со старшими братьями и сестрами.

Ночью они пролезли в соседский сад. Бобик твякнул, было, но, видимо, признал соседей за своих. Яблоки, за которыми полезла троица, росли и в саду Ломовцевых, но были еще зелеными и кислыми, как яд, а у бабы Тани казались значительно более спелыми.

Набив, как карманы, заправленные в трусы майки яблоками и пообломав в темноте немало веток, малолетняя шпана благополучно возвратилась из своего рейда. Утром, рассортировав в схованке ночную добычу, троица вынуждена была признаться в своем заблуждении: яблоки в соседском саду еще не дозрели.

Выбросив их в уборную, дабы сокрыть улики, троица возвратилась домой и во дворе узрела бабу Таню собственной персоной. Баба Таня Зверева соорудила из своего фартука сумку на животе, присборив нижний конец и зажав его в кулак. Она стала как кенгуру-мамаша, но в ее сумке находился не детеныш, а яблоки. Не те, за которыми охотились воришки, а уже вполне созревшие, ранний сорт. Яблоня росла в другом конце сада. Тете Рае соседка рассказывала:

– У Семена же астма, мы в саду ночуем. Видим, лезут. А его, как на грех, приступ одолевает. Он бегом из сада, чтоб не раскашляться, не напугать детей. Вот, угощайтесь, надо будет тебе осенью саженец дать, у вас таких нет...

Городских гостей, конечно, выпороть не посмели. Лидушке пришлось отдуваться за троих.

...Гарик на Новый год признавал только живую елку, и именно – сосну. Гарик... Мое запоздалое непутевое счастье...

Лида подошла к палате, бесшумно открыла стеклянную дверь и замерла. Над кроватью Гарика склонилась фигура в белом халате. Дорожка ли света от слабого ночного коридорного освещения, что прочертила палату, движение ли воздуха коснулось его, но пришелец резко выпрямился и шагнул в сторону Лиды.

– Что, доктор? Все в порядке?

Доктор в медицинской маске грубо отшвырнул женщину, так, что она всей массой шлепнулась между койками (хорошо хоть, не на кого-то из прооперированных больных!) и рванул к выходу, только подошвы замелькали. Крайне изумленная реакцией нервного доктора, сильно ушибленная, Лида, женщина довольно габаритная, кряхтя, еле выкарабкалась из узкого пространства между койками. Твердо решив, что она этого инцидента так не оставит, направилась к койке мужа.

Уж утром она узнает, кто из врачей дежурил ночью. И маска не поможет! Мало ему не покажется. Тоже мне, эскулап! Врачеватель! Ну, испугался ее неожиданного появления, ну, не захотел разговаривать, чтобы не побеспокоить больных. Но драться-то зачем!

Гарик лежал у самого окна. Света от уличных фонарей и тусклого коридорного освещения было достаточно, чтобы заметить, что лицо у него как-то изменилось. Лида поняла это, бросив первый взгляд на лицо мужа.

Второй ее взгляд был – на штатив, к которому крепился пузырек с физраствором. Жидкости в пузырьке оставалось всего ничего.

Третий ее взгляд опустил на руку мужа с закрепленной в ней иглой с трубкой, по которой поступало лекарство. Сейчас иглы в руке не было, вместе с резиновой трубкой она валялась на полу.

Лида кричала так, что сбежалось все отделение: дооперационные больные бежали рысью, прооперированные ковыляли, как могли.

Гарика не спасли.

Лида, пережившая истерический припадок, обколотая успокоительным, пришла в себя в палате женского отделения.

«Не спасла», – ворочалась тупая ленивая мысль. – «Не уберегла».

Пока что она могла думать именно в таком ключе: я виновата! Если бы не торчала возле окна туалета, погрузившись в idiotские воспоминания, ничего бы не случилось.

Но как ОНИ узнали, что она выйдет в туалет? Следили за ней, что ли? Кто они? Как? Зачем?

Замначальника уголовного розыска Приволжского РОВД города Артюховска, капитан Бурлаков Вадим Сергеевич, сидел в своем кабинете над раскрытой папкой. Материалов в папке было – кот заплакал.

«Вот тебе, бабушка, и юрьев день!», – думал Бурлаков. – Вот тебе и безобидный алкашок! Вот тебе и бредовые речи Лиды Херсонской о покушении. Вот тебе и „бытовуха“, вот тебе и нерезонансное преступление...»

Людмила Петровна

Людмила Петровна неторопливо, прогулочным шагом приближалась к пятиэтажке, где проживала еще одна ее близкая подруга – Людмила Ивановна Каргина. «Куклусклан», именовали их дружную троицу знакомые – фамилии всех троих начинались на «к». Они были тезками, но, как Людмила Петровна спокон веку ходила в Люсях, так Людмила Ивановна с тех же времен прозывалась Милой.

В данный момент Милка обреталась в Саратове, куда ее на три месяца отправило родное учреждение на повышение квалификации. Если говорить точно, в Саратов она отправилась осваивать новую квалификацию – бухгалтера музейного дела.

За свою долгую трудовую биографию Миле пришлось поработать бухгалтером в Роспечати, когда она еще именовалась Союзпечатью, и главным бухгалтером на местной кондитерской фабрике, но музейная бухгалтерия была для нее делом новым.

Мила, энтузиастка по жизни, оставалась ею и в свои шестьдесят четыре года, и с восторгом ринулась осваивать бухгалтерские тонкости музейного дела. Приглядывать же за своей однушкой на третьем этаже старенькой пятиэтажки доверила, естественно, лучшим подругам – Люсе и Зайке.

Зайка – Зоя Васильевна Конева – на сегодняшний день тоже пребывала в отсутствии: она укатила в санаторий под Астраханью оздоравливать свою сердечно-сосудистую систему.

Людмила Петровна из-за трагических событий в семье соседей поневоле манкировала своими обязанностями: она боялась оставлять Лиду одну после похорон Гарика. Мало ли, сдуру руки на себя наложит. В течение дня Люся находила поводы несколько раз забежать к Лиде, усаживалась чаевничать или приглашала на чай к себе, напрашивалась на ночевки под предлогом, что ей снятся кошмары, пока Лида ей не сказала однажды:

– Люсенька, спасибо тебе огромное. Но, ты только не обижайся, ты меня притомила. Я уже хочу побыть одна. Ты за меня не беспокойся, пока я этих тварей не найду, я ничего с собой не сделаю.

– Ка-каких тварей?! Ты с ума сошла?!

– Нет, не сошла. Но этот Бурлаков... Он не мычит, не телится... И до сих пор ничего с места не сдвинулось. Так и спустит все на тормозах. А Гарик там будет лежать неотомщенный!

– Откуда ты знаешь, что не сдвинулось? Перед тобой же не отчитываются!

– Ну, он же приглашает меня... на беседы, – презрительно усмехнулась Лида. – Толку от его бесед! Как будто я знаю больше него!

– Ты напрасно так. Насколько я знаю, Бурлаков – мужик толковый. Да и времени прошло не так уж много. Не все же преступления по горячим следам раскрываются!

– Тебе, конечно, виднее, – опять усмехнулась Лида, – ты с ним не один пуд соли съела.

– Ну, зачем ты так! Какой пуд! Люди так говорят... А нас с ним просто однажды случай свел, ты же знаешь.

– Да, только в твоём случае никто из вас троих не пострадал. Мой случай всех злее, – в третий раз страдальчески усмехнулась она.

– И ты собралась мстить? Лида, ты что задумала?! Ты понимаешь, что твоя самодеятельность может плохо кончиться?

– Да угомонись ты! Я же не собираюсь покупать пистолет и идти стрелять всех подряд! Чай, не в кино!

– А что ты собираешься?..

– Просто порасспрашиваю людей...

– Каких?!

– Всяких-разных. Какие попадутся. Слухами земля полнится!

– Их полиция расспрашивает. А ты, смотри, дорасспрашиваешься!

– Уж кто бы говорил, а ты бы молчала! Лучше б я тебе и не говорила ничего!

– Лида, окстись!

– Хорошо-хорошо, успокойся! Не буду никого расспрашивать.

– Честно? Обещаешь?

– Обещаю. На «Битву экстрасенсов» поеду, если что... Поедешь со мной?..

На том, вроде бы, и порешили.

Короче, Людмила Петровна подзапустила выполнение своих обязательств, налагаемых дружбой, на предмет присмотра за квартирой и, главным образом, полива цветочков, во множестве стоявших на подоконниках и полочках и висевших в кашпо по стенам.

Милкина пятиэтажка в стройном ряду нескольких собратьев, постройки семидесятых годов, ничем не выделялась. Все они пребывали в одной цветовой гамме – тоскливого блекло-зеленого цвета, словно майка китайского производства после первой же стирки. И в состоянии одинаковой же обшарпанности. Летнее жаркое солнце и осенние затяжные дожди уже свели на нет весенние старания коммунальщиков – придать домам праздничную новизну.

Запасы небесной влаги, видимо, временно истощились, и уже пару дней бледное солнце с переменным успехом боролось с тучами, а ветру удалось подсушить асфальт и тротуары. В душах артюховцев традиционно затеплилась надежда, что, авось, вскоре дожди и совсем прекратятся, а к Новому году, глядишь, и распогодится. А там – чем черт не шутит – и морозцы ударят! Хотя бы к рождеству, а уж к крещенским – обязательно!

Недалеко от Милкиного подъезда вольготно раскинулась огромная лужа, лишь слегка уступающая размерами обмелевшему Аральскому морю. Ветер, забавляясь, гонял по ней туда-сюда волны. К его забавам присоединились двое детей. Мальчик лет шести-семи и девочка постарше, лет девяти-десяти, оба в ярких резиновых высоких сапожках, стояли в центре лужи.

Как только очередная волна подкатывала к их ногам, дети с восторгом лупили по ней сапогами, преобразовывая волну в грязный фонтан. Фонтан рассыпался мутными брызгами, окатывая мореходов. Людмила Петровна, неспешно двигаясь вдоль берега этого, не зафиксированного географическими картами моря, затормозила на полпути, сраженная услышанным.

Мальчик произнес:

– Катька, я уже весь мокрый и грязный. Пошли по домам!

Катька ответствовала:

– Потерпи! Надо ценить грязные моменты жизни, пока нас не отмыли.

Людмила Петровна не понаслышке знала, что устами младенцев частенько глаголят истины, и еще какие, но в подобные философские глубины ей приходилось нырять не каждый день.

С одного из балконов раздался пронзительный женский визг:

– Катька, зараза, немедленно вылезь из лужи!

Девочка подняла голову, какое-то мгновение смотрела вверх, потом пробормотала себе под нос: «Сама зараза!». И, не дожидаясь очередной волны, с яростью ударила по воде сапогом.

Бессильная ярость адресовалась кричавшей, но досталась ни в чем не повинной луже. Восхитительно высокий фонтан окатил детей. Мальчик не захотел уступать пальму первенства даме и, упоенно проорав клич: «Сама зараза!» – изо всех сил врезал следующей подкатившей волне.

Людмила Петровна отскочила на приличное расстояние, поскольку в воздух взмывали фонтаны не хуже царскосельских, сопровождаемые новыми истошными воплями: «Сама зараза!» К детским воплям присоединился уже знакомый пронзительный визг сверху:

– Ах ты, зараза! Вылезай немедленно, дрянь такая! Вот я тебя сейчас сама вытащу, мало не покажется!

Вскоре из подъезда вылетела седовласая фурия, без платка, в калошах на босу ногу и наброшенной кое-как на цветастый халат куртке – человек одевался в спешке.

Зараза-Катька перестала избивать волны и с опасливым интересом воззрилась на, по всей вероятности, бабушку, мысленно прокручивая варианты: каким способом бабуля будет извлекать ее из лужи. Бабушка беспомощно топталась на берегу, слишком поздно вспомнив одно из главных правил педагогики: нельзя грозить ребенку наказанием, которое не можешь исполнить.

Почувствовав, что теряет лицо, женщина задрала голову и прокричала в небо:

– Наташка! Наташ! Гляди, что твой Темка творит! – признавая тем самым свою педагогическую несостоятельность и перекладывая ответственность на чужие плечи.

С другого балкона раздался еще один вопль возмущения и ужаса, уловив который, Темка обреченно посеменил к берегу. Волны захлестывали ему в сапожки.

Катька осталась в луже. Кажется, до нее начало доходить, что она перегнула палку, но как выйти из положения – не могла сообразить. Темка, ретроград и отступник, ретировался, и она осталась один на один со своей разъяренной бабулей.

Бабуля, однако, тоже пребывала в растерянности. Поиски решения с обеих сторон затягивались.

– А вы идите домой, а то простынете, – подсказала способ решения проблемы Людмила Петровна. – Не будет же она здесь всю ночь стоять мокрая. Не будешь ведь, Катя?

– Шли бы вы, женщина, – не приняла подсказки самолюбивая бабушка, – куда идете!

– Буду! – проявила солидарность с бабушкой Катька.

– Извините, – сказала Людмила Петровна вслух. «Две ослицы», – мысленно провела она генетическую прямую от бабушки к внучке, вспомнив Ваню из ее группы.

Уже много лет она работала ночной няней в круглосуточном детском садике для детей с ДЦП. И члены их педагогического коллектива работали там, в основном, по много лет.

Любовь к детям? Наверное. Но любовь к детям – это все же нечто эфемерное. Главное все же терпение, особенно учитывая специфику их учреждения. Вот подружки Людмилы Петровны – добрые, отзывчивые, любящие природу, животных, детей – обе в один голос признавались, что и дня не выдержали бы на месте Люси.

Текучка кадров у них имелась, конечно. Многие устраивавшиеся к ним на работу на разные должности надолго не задерживались. Но те, что оставались, работали годами. На этот педагогический костяк и опиралась их заведующая, тоже много лет проработавшая в своей должности.

Детки у них, как и в любом садике для здоровых детей, были разные: умненькие, не очень, злые, избалованные любящими родителями и запуганные неблагополучными, глупыми или пьяницами. Порой они выдавали такие перлы, что всякий раз Людмила Петровна клялась себе в следующий раз непременно записать услышанное, да как-то все было недосуг, а потом забывалось. Иначе она на старости лет издала бы книжку – не хуже знаменитой «От двух до пяти» детского писателя Корнея Чуковского.

Был, к примеру, у них мальчик Кирилл, из богатенькой семьи. Болезнь не слишком ранила его, он только сильно прихрамывал. И садик посещал, ожидая операции, только ради общения со сверстниками. Папа что-то там такое, – бизнесмен, короче. Мальчик рос вреденький, очень избалованный, залюбленный и временами довольно неадекватный. Дружить с ним никто из детей не хотел.

Однажды вместе с Кирюшей в группу прибыла объемистая сумка, полная игрушек, и Кирюша после завтрака начал их раздавать детям. Вокруг него мигом образовался детский водоворот. Кирюша в тот день был в фаворе у коллектива.

Дети, приносящие игрушку в садик (те, кого родители забирали вечером домой), обычно не оставляли ее. Кирюшу домой забирали. Ближе к вечеру Людмила Петровна сказала Кирюше:

– Давай начнем сейчас собирать твои игрушки в сумку, чтобы, когда папа приедет, долго не искать.

– Совсем не будем собирать, – сказал пятилетний Кирюша. – Это же акция!

По младости лет он не догадывался, что все разовые акции производят краткосрочный эффект, и полагал, что раз и навсегда укрепил свои позиции в коллективе...

А как-то Варе, которой, помнится, было четыре, не спалось, и она увидела в окне в ночном небе звезду.

– Какая красивая, – сказала она. – Я хочу ее лизнуть.

– Не получится. Она очень далеко, на небе! Хочешь, я сниму тебе звезду с елочки, и ты лизнешь один разочек.

– Ты не понимаешь? С елочки – не настоящая.

– Чтобы лизнуть настоящую, надо лететь в космос.

– Придется слетать! Вот вылечусь – и слетаю.

В детстве нет неразрешимых проблем.

А мальчик Ваня был фантастически талантливым шkodником. Он фонтанировал каверзными идеями. Причем, по какой-то закономерности, идеи он только генерировал, а воплощать их в жизнь приходилось другим детям. И, соответственно, отдуваться.

У Вани как-то был день рождения. Детки исполнили песню для именинника, надарили ему рисунков. Воспитательница пожелала вырасти хорошим человеком и, применяя эвфемизмы, – не устраивать пакостей ребятам.

– Ничего не выйдет, – отмахнулся Ваня, поглощенный разглядыванием подарков. – Я такой уродился!

– Ванечка! – с гипертрофированным в педагогических целях удивлением воскликнула воспитательница. – Ты хочешь сказать, что ты уже знаешь, что будешь плохим человеком?

– Ну, гены же!

– От кого же у тебя такие гены?

– Точно пока не знаю. Мама говорит, папины. А папа говорит, мамины.

В голосе его звучала горделивая обреченность человека, покорившегося судьбе.

Видимо, когда на небесах заключался брак молодой пары, небеса уже имели какие-то планы в отношении их первенца. Глядя на стоявшего в углу или сидевшего на стульчике в изоляции наказанного приятеля, Ванятка ни разу не признался в своем активном участии и львиной доле вины. Он смиренно и безропотно нес уготованный ему крест.

Вероятно, первопричиной Катькиного ослиного упрямства были тоже гены.

У подъезда Людмилы Ивановны стояла машина скорой помощи, и у Люси рефлекторно сжалось сердце. Казалось бы, с чего? Милка в Саратове, с ее соседями по подъезду у Люси знакомство шапочное, «здрасьте – до свиданья», хоть и ходят в гости к подруге они с Зоей не один год.

Ну, разве что с ее соседкой по площадке, проживающей в двушке, Антониной Семеновной, общались более тесно. Во-первых, тетя Тоня была матерью ее сотрудницы, такой же ночной няни, Евдокии Валериановны Гороховой (Люся как раз и сменяла ее). Во-вторых, она была старушенцией веселой, несклочной, дружелюбной. А в-третьих, и в-главных, у трех подруг имелся к тете Тоне шкурный интерес.

Не сильно пьющие, они все же употребляли по некоторым поводам и по праздникам. Коньяк, хорошее вино и дорогую водку позволить себе не могли по причине весьма скромных пенсий, а на дешевые напитки денег было жаль. И еще это, отчасти, было делом принципа. Раз отечественный производитель не в состоянии довести свою продукцию до приличествующих стандартов, хоть и печатает на этикетках всякие-разные медали, незачем его поощрять.

Паленую же, незнамо чью продукцию, подруги употреблять опасались – вон что по телевизору показывают! Что творится! Люди мрут, как мухи. Продукция же тети Тони была выше всяких похвал, и в узком кругу ее клиентов пользовалась широкой популярностью и активным спросом.

Изготавливаемый ею продукт имел классическое название – самогон, но ведь, к примеру, «Запорожец» – тоже автомобиль, как и «Мерседес». Самогон тети Тони, отличного качества сам по себе, служил для нее лишь полуфабрикатом. Процесс перегонки был для нее чем-то вроде не слишком любимой, но необходимой, вынужденной работы. А вот дальше уже начиналась работа для души, процесс вдохновенного творчества, ради которого Антонина Семеновна все и затевала.

В ее кухонном шкафчике рядами стояли двухсотграммовые банки из-под кофе, коими снабжала ее Милка, большая любительница этого напитка. Теперь они были наполнены сухой мятой четырех сортов, лимонными и апельсиновыми корочками, каркаде, черносливом и изюмом, спиртовой настойкой орехов и прочими, и прочими ингредиентами для создания алкоголесодержащих шедевров. Покупателями Антонины Семеновны были гурманы, истинные ценители таланта.

Когда дочь Евдокия время от времени надумывала вернуть маму с зыбкой стези полукриминального бизнеса на добродетельную стезю порядочной пенсионерки, та возмущалась:

– А чем я буду жить? С твоей зарплатой от тебя помощи не скоро дождешься!

– Побойся Бога! У тебя пенсия больше моей зарплаты. Тебе ли жаловаться? От людей стыдно, ей-богу.

– От кого это тебе стыдно? От Надьки Волковой? Это ей надо стыдиться, что она людей туфтой травит! Да и то сказать, люди-то к ней и не ходят. Одно алкашь в клиентах. А мои

клиенты – люди порядочные, только бедные. Бедность не порок! И Васек Вилявин, хоть и на джипе, а ко мне приезжает.

Антонина Семеновна играла агрессию и наращивала децибелы в целях маскировки, поскольку обе прекрасно знали: голодная смерть в ближайшем будущем ей не грозила. Очень приличную пенсию она заработала на астраханском газоперерабатывающем заводе.

Дочь не понимала, что меркантильные интересы движут мать гораздо в меньшей степени, чем амбиции творца. У нее и цены-то были весьма щадящими, лишь бы себе не в убыток, а могла бы драть с клиентуры: продукция ее была «брендовой».

Зарабатывая пенсию, тетя Тоня проглядела свой дар и не дала ему в свое время развиваться.

– Я как тот король, который главным делом своей жизни считал выращивание капусты, – горделиво говорила она. – Фамилию его забыла!

Ей об этом короле рассказала как-то Зоя Васильевна.

На определенном жизненном этапе полузадушенный дар тети Тони поднял голову и захотел расти. Это было ее позднее дитя. Тетя Тоня вдохновенно экспериментировала, и даже плебейский первач в ее исполнении был очищен от специфического запаха и вид имел кристально-прозрачный. Куда там виски!

Васек Вилявин, постоянный клиент, однажды, желая сделать тете Тоне приятное, привозил полбутылки, попробовать ей для сравнения. Бурда, право слово!

Среди ее избалованной клиентуры имелись и любители классического самогона, без добавок, всех этих «вишенки на торте», как, например, сама Люся. Вообще, у трех подруг были разные вкусовые пристрастия.

Выпендрейница Мила, скажем, заказывала тете Тоне настойку на мяте и лимоне, с добавлением чуточки корицы. У них это называлось «Махито». Не лыком шиты, телевизор смотрим! А Зоя предпочитала «Амаретто» тети-Тониного разлива, с привкусом абрикосовых косточек: в самогон добавлялись кофе, сахар и ванилин в одной ей известных пропорциях и что-то еще.

Это «что-то еще» хранилось в строжайшей тайне, как фамильный наследственный секрет, и тетя Тоня, выпив рюмочку-другую, плакалась Миле:

– Вот умру – и некому даже передать секреты будет. Унесу с собой. Дочь у меня беспонтовая, ей ничего не надо.

– А Юльке? – лицемерно сочувствовала Мила. Лицемерно – потому что уже не раз она подкатывала к Антонине Семеновне с просьбой дать им с подругами рецепты ее напитков. Соседка была – кремень, даже в подпитии.

– Юлька? – саркастически усмехалась тетя Тоня. – Юлька еще беспонтовой. Юлька в футбол играет!

Юлька была внучкой Антонины Семеновны, дочерью Дуси. Она с малых лет росла пацанкой и действительно играла в футбол: ее единственную из девчачьего племени пятиэтажки местные мальчишки не гнали от себя. Вместе с ними она азартно лупила мячом в бетонные стены гаражей и бегала по самодельному футбольному полю.

Полею стал пустырь, который юные энтузиасты-футболисты зачистили от мусора и выкорчевали камыш. Потом где-то в новой части Артюховска открылась секция женского футбола, и Юлька стала ее членом. По слухам, их команда даже ездила на соревнования в другие города и добилась неплохих результатов.

– Передайте секрет мне! – в очередной раз подкатывалась Мила.

– Так я еще умирать не собираюсь!

Не с тетей ли Тоней что?

Тут сердце у Люси сжалось еще раз: за машиной «скорой» она узрела притулившуюся полицейскую машину, а дальше – еще одну. Первая попроще, во второй, наверное, начальство. Раньше было проще: обычная милиция ездила на «газиках», руководство на «Волгах». А

теперь все больше на иномарках. Иномарка и иномарка, Люся в них не разбиралась, но точно, полицейская.

Нехорошее предчувствие ее не обмануло. Дверь в тети-тонину квартиру была приоткрыта. Едва Люся взлетела на Милкин третий этаж, распахнулась совсем. На площадку выдвинулись два мужика в белых халатах. Они выносили носилки с тетей Тоней. Замыкал шествие полицейский, он то ли следил за надлежащей транспортировкой, то ли оказывал моральную помощь.

Людмила Петровна, прижавшись к стене, перевела дух с некоторым облегчением – лицо тети Тони не было закрыто простыней, значит, жива. Но – полиция? Знает ли Дуся, что с матерью беда? Что, вообще, могло случиться?

На часть вопросов ответ последовал незамедлительно: на площадку вывалилась сама зареванная Дуся и, узрев Люсю, зарыдала с новой силой и припала головой к щуплой Люсиной груди. Дуся, как и мать, была женщиной весьма дородной, и сублительную Люсю основательно шатнуло, но стена ее удержала.

– Люсенька! Слава богу, что ты здесь! Я в больницу с мамой, а там полиция все осматривает, я не могу с ними остаться. Ключи я им отдала, там участковый, закроешь здесь потом, я тогда и рваться не буду. Если что – подежурь за меня сегодня, я позвоню попозже!

И она побежала догонять носилки.

Людмила Петровна несмело шагнула в прихожую. Двое полицейских присутствовали в зале, третий как раз вышел из спальни при ее появлении.

– Вы кто? Что хотите? – спросил, приподнимаясь из-за стола, еще один, должно быть, главный. Он писал уже довольно давно, на столе лежало несколько покрытых ровным аккуратным текстом листов.

– Вы-ы-ы? – протянул удивленно, и Людмила Петровна в тот же миг узнала в нем Бурлакова. – А тут-то вы с какого боку?

– Я соседка. То есть, моя подруга соседка, но ее сейчас нет, а я присматриваю за ее квартирой. А с Евдокией мы вместе работаем, она просила меня забрать ключи от квартиры, когда вы тут все осмотрите, – залепетала Люся.

Ну что за черт? Она ни в чем не виновата, а уже оправдывается при первом же заданном вопросе. Флюиды, что ли, они особые испускают, эти товарищи в форме?

– Ну, проходите... – нерадушно буркнул Бурлаков. – Может, будете полезны. Лысенко, ты лоджию хорошо осмотрел?

– Да что там особо смотреть, товарищ капитан? Ликеро-водочный завод!

– Вот его и осмотри! Только продукцией не злоупотребляй! Я отсюда слышу, как ты там облизываешься.

– Продукция у нее в спальне. Весь шифоньер бутылками заставлен. И бутылки-то все особенные, красивые, из-под импорта, не наши поллитровки. Где она их только собирала?

Людмила Петровна хотела было, сказать, что клиентура несла, да вовремя язык прикусила: с чего это она будет «стучать» на тетю Тоню? Усугублять ее положение? «Ну, тетя Тоня попалась!» – подумала она.

Но тут, узрев запятнанный кровью пол, обмерла: «Если выкарабкается!»

– А что случилось-то? – дрожащим голосом спросила Людмила Петровна.

– Порезали вашу соседку, – обронил Бурлаков. – Вот вам результат противозаконной деятельности: скорее всего, клиентура и порезала.

– Нет, клиентура вряд ли! – отвергла сходу его версию Людмила Петровна.

– Это почему же? – заинтересовался Бурлаков.

– Клиентура у нее была особенная, формировавшаяся годами. С чужими она дела не имела, и никогда с алкашами не связывалась. Они даже не совались к ней, она и дверь им не открывала.

– Да-а-а? – заинтересовался капитан. – А вам это откуда известно? Вы же здесь не живете? Что, тоже сподобились в клиентуру попасть?

Язык мой – враг мой! Но, сказав «а», надо говорить и «б».

– Здесь ведь живет моя близкая подруга, и мы к ней довольно часто ходим в гости. А вот в вотных... да, случалось, мы тоже пользовались продукцией Антонины Семеновны.

– Что, хорошая продукция? – невинно любопытствовал Бурлаков.

– Не то слово! – не удержавшись, с жаром подтвердила Люся. – Высокий класс!

– Прodeгустирuем, товарищ капитан? – всунулся Лысенко и даже, кажется, облизнулся.

– Я тебе продегустирую! – пригрозил Бурлаков. – Ох, повезло отделу, что я сегодня дежурю. Был бы Трусов за старшего, вы бы тут к утру сами трупами лежали!

Потом он снова обратился к Людмиле Петровне.

– Так кто были ее покупатели? Кроме вас с подругами?

– Да я так особо и не знаю, – закручинилась она. – Вы соседей порасспрашивайте. Я же здесь не так часто бываю.

– А только что говорили – часто! Соседей мы уже и так расспрашиваем, – насупился Бурлаков. И после паузы перевел тему. – А как дела у вашей соседки?

– У какой? – не сразу поняла Людмила Петровна.

– Ну, у Херсонской, – пробубнил собеседник с чрезвычайно скучающим видом.

Как-то уж очень вяло он это пробубнил, подчеркнuto не заинтересованно. Без какой-либо эмоциональной окраски. Хотя, казалось бы, задал вопрос, то есть, проявил интерес. И глаза отвел, а до этого пронизывал взором.

Людмила Петровна остренько на него глянула – при чем здесь ЕЕ соседка, в сиюминутных-то трагических обстоятельствах? Чисто выбритые смуглые щеки капитана порозовели.

У Люси «в зобу дыханье сперло». Что такое? Неужели? Ай да Лидка-тихушница! Когда успела? Правда, она говорила, что Бурлаков ее для бесед вызывает, но ей, конечно, и в голову не приходило, что интерес к их беседам у Бурлакова может быть не только деловым.

Женщина она симпатичная, но, в общем, ничего особенного. Разве что, возникнув в жизни Гарика, поменяла свои химзавивочные кудельки неопределенного цвета на стильную стрижку каре, да покрасилась. Но ведь ей полтинник, как ни крути! Бурлаков на вид моложе будет. И потом, она в теперешнем своем состоянии беспросветного горя, запущенная, махнувшая на себя рукой, кого может заинтересовать? Краше в гроб кладут! А вот поди ж ты... Ну и ну!

– Да как... Ничего хорошего. Скоро сороковины. Долго она еще будет жить застывшей. Любила она Гарика очень, хотя до сих пор не могу понять, за что. Она ведь в его жизни появилась, когда он окончательно спился, человеческий облик потерял. Что она в нем разглядела?..

– Я тоже этому удивляюсь, – поддержал тему Бурлаков.

– Свое расследование хочет начать. Добром это не кончится.

– Какое расследование? – переполошился капитан – Она в своем уме?

– Именно, что не в своем. И к экстрасенсам хочет ехать, на «Битву». Не верит, что вы кого-то найдете.

– Ну, вы-то поговорите с ней, объясните! Ведь взрослый же человек, должна понимать. Кур покрадут, и то несколько дней искать приходится, кучу народа опрашивать.

– Да я ли не говорила? Уперлась рогом.

Капитан был растерян. За Лидку переживает или опасается неприятных для себя последствий?

– Ну, вы все-таки постарайтесь ее убедить. Я не могу посвящать ее в детали, но кое-что наметилося. Найдем мы убийцу ее мужа, пусть так уж сразу не отчаивается!

– Я ей обязательно передам!

Вошел еще один полицейский.

– Товарищ капитан, тут сосед рассказал...

И умолк, узрев Людмилу Петровну.

– Потом, Юра! Всех опросили?

– Всех, кто дома.

– Ребятишек бы поспрашивать, – несмело вклинулась Людмила Петровна. – Они много чего видят и замечают.

– Поспрашивать бы... – саркастически усмехнулся вновь пришедший мент. – Все ребятишки по квартирам сидят, погода не располагает. А там сейчас сразу родители на дыбы встанут, права качать начнут. Чуть что – моя хата с краю!

– А может, не начнут...

– А вы не могли бы нам помочь, Людмила Петровна? – неожиданно заинтересовался Бурлаков. – Вас же здесь, наверно, знают? Нам могут того не сказать, что вам скажут.

– Ну... Я попробую. Но сейчас, и правда, на улице никого нет. Я здесь у подруги побуду немного, пока цветы полью, то да се, может, за это время и выйдет кто-нибудь гулять.

– Буду вам благодарен! Телефон мой не потеряли?

– Что вы! Нет, конечно.

– А Лидии Федоровне передайте привет, и пусть... прекратит свою активную сейсмическую деятельность!

– Обязательно передам! – пообещала Лида.

Сама же подумала: «Пожалуй, не буду ничего передавать, ей это сейчас – как скипидару под хвост. Как действительно будут результаты, сам сообщить не преминет. И вообще, если у него умишко есть, он сейчас не должен Лиде глаза мозолить. Иначе, если она заподозрит у него не служебный, а амурный интерес, она его возненавидит. Клин клином – это не Лидкин случай. Если, конечно, мне ничего не показалось».

А хорошо бы иметь мента за стенкой! Персонального, так сказать. Да и мужик-то приятный, не хам, не солдафон. И мужские руки в доме ой как пригодились бы! Гарик, царство ему небесное, по части мужской работы был ноль без палочки. А Бурлаков, глядишь, по-соседски бы и мне помог когда-нибудь».

Тут же Люся и устыдилась: «Кому что, а вшивому баня!» – подумала. У Лиды черное горе, а она ей уже жениха подбирает и при этом не забывает про свой интерес.

А надо все-таки, на всякий случай, порасспрашивать кое-кого про семейное положение Вадима Сергеевича Бурлакова.

Когда Люся, полив цветы, вытерев пыль и пропылесосив Милкины 18 квадратных метров, спустилась во двор, она увидела, что ожидания ее не обманули. На лавочках кое-где сидело неработающее население, детвора тоже гоношилась в разных концах двора. Народ вышел глотнуть кислорода и впитать последние лучи бледненького, уже заходящего солнышка, но главным образом – обсудить случившееся в их доме ЧП.

Люся подошла к одной из лавочек, облюбованных четырьмя женщинами, поздоровалась. Ей ответили, потеснились, выделяя краешек лавочки. Они с Зоей Васильевной тут примелькались за многие годы, были как свои. Да и тот факт, что Люся побывала в подъезде, где случилось несчастье, общалась с полицией, бросал на нее отблеск сопричастности к трагическому событию. К тому же народ знал, что они с Дуней работают вместе, и ждал от нее хоть каких-то, пусть самых скудных, сведений.

Люся преследовала противоположную цель – разжиться сведениями у народа. Вообще-то она планировала ненавязчиво пообщаться с детьми, но как общаться на глазах у мам-бабушек! В конце концов, не работает же она у Бурлакова на полставки! Уж как получится, что сумеет добыть.

Поохали, уже впятером, на предмет приключившейся жуткой истории. Люся поделилась тем немногим, что знала. В ответ услышала, что муж одной из четырех теток примерно в это время выходил курить на балкон и видел, как из подъезда вывалилась компания подростков, человек пять.

Лиц не разглядел, хоть и второй этаж, потому как молодежь направилась в другую сторону. А по одежде не различить даже, девки или парни. Все в куртках, джинсах, вязаных шапочках. Нет, иногда, конечно, очень даже отличишь – если куртки куцые, и так обтянутся джинсами, что слепой заметит гендерные отличия. Но не в этом случае.

– Она ж, наверно, кричала, бедная? – предположила Люся.

– Да там у них на пятом этаже Вова-инвалид живет в двушке, у него притон. Он всех привечает – и старых, и молодых, лишь бы с выпивкой приходили. Орут, как резаные, ржут, как кони!

– И музыка постоянно орет так, что дом трясется. Кто там что услышит? Устали жаловаться. Участковый говорит: что я с ним сделаю, у него одна нога. И музыка у него только до 11 вечера, закон соблюдает.

– Мужики хотели было накостылять ему, так кого бить? Инвалид, и от пьянки в чем душа теплится. Скорее всего, от него и вышли.

– Юлька к ней приходила. Со своей... Кирюшей, – раздался голосок сзади.

Женщины дружно обернулись. Позади лавочки неслышно пристроилась и жадно внимала беседе старая знакомая, Катька-зараза. Она уже была в сухой одежде и ботиночках, сменивших мокрые сапожки. Похоже, бабушка ее поняла и простила, и, выплеснув первые эмоции, сдалась Катькиному натиску, отпустила на вечернюю прогулку. А может, ценя минуты тишины, вообще предпочитала, чтобы внучка подольше дышала свежим воздухом.

– А ты чего тут локаторы свои наставила? А ну, брысь, Штирлиц малолетний! Иди к другим детям!

– Юлька к ней приходила с Киркой, я видела! – упрямо повторила Катька.

– И чо-о-о? Юлька ее внучка, и ходит к бабушке чуть не каждый день! Иногда и ночует. Почитай, живет у нее!

– Нет, это Вовкины гости, однозначно! Его надо за химок брать!

– Может, хоть потише в доме станет, если прищучат!

– Это до чего же дошло! Сроду такого не было!

Женщины, которых Вовка-инвалид достал конкретно, единогласно склонялись к единственной версии. Катька тем временем испарилась.

Люся все ждала, когда же будет озвучена еще одна версия, лежащая на поверхности: следствие бизнес-деятельности Антонины Семеновны. И версия была-таки озвучена.

– А не надо самогон гнать! Небось, клиент какой и порезал, деньги вымогал!

Сакраментальную фразу произнесла самая пожилая и, в силу этого, претендующая на безоговорочное признание ее авторитета тетка, тонкогубая, с мешками под глазами. «Почки, наверно», – машинально отметила Люся.

Повисла тишина. Видимо, у троих, как и у Люси, рыльце было в пушку, и они предпочли не спорить с престарелой праведницей. Воистину, чем ближе к старости, тем ближе к святости! Хотя может, праведницей она стала по состоянию здоровья.

– Одно другому не мешает, – наконец нарушила тишину самая молодая, которая зарделась сильнее остальных. – Может, как раз Вовкины гости и были теми клиентами.

– Нет, – сказала еще одна, – клиенты тети Тони вряд ли пошли бы гостевать к Вовке.

– А Вовкины гости вряд ли сподобились бы стать тети-Тониными клиентами.

Их точка зрения совпадала с Люсиной. Одним словом, ясно было только то, что все непонятно.

– А кто же скорую и полицию вызвал?

– Да Дунька же и вызвала. Звонила-звонила матери – та не отвечает, она и забеспокоилась, прибежала проведать, а дверь только захлопнута, не на ключе. А там-то!

Когда обсуждение пошло по второму кругу, Людмила Петровна заторопилась и стала прощаться. Но едва свернула за угол, в нее вписалась Катька, удиравшая от мальчишек. Оказывается, дети играли с другой стороны пятиэтажки, где заходящего солнышка еще оставалось немножко.

Люся перехватила ее, хотела прикрикнуть на преследователей, но Катька ее опередила:

– Не ругайте их! Мы играем!

– Катя, расскажи мне, пожалуйста, что ты видела?

– Когда?

– Про Юлю и Киру. И вообще, что видела?

Катя тетку, конечно, признала. Это она пыталась помочь им с бабулей найти выход из цейтнота, а потом сидела с соседками на лавочке. Да и раньше здесь мелькала иногда. Потому она и не усомнилась в правомочности теткиных расспросов, не стала вырываться из ее рук.

– Да ничего я не видела! Мы с Темкой из подъезда вышли, на крыльце стояли, а из ихнего подъезда выскочила Юлька и побежала, а за ней – эта ее... этот... оно!

– Какое «оно»? Ты про что?

– Ну, этот... Кирюша! Транк... тран... свистит.

– Свистит? А-а-а-а... Ты имеешь в виду... – трансвестит?

– Ну да! Только она не трансвестит, а как-то по-другому. Но тоже – «транс». Мужиком хочет стать. Вообще-то она Кира. У них любовь.

Это было что-то новенькое! Во всяком случае, Дуня об этой стороне жизни своей дочери с сотрудницами не делилась, хотя в коллективе знали всю подноготную о каждом из коллег.

– И что – Кирюша?

– Она за Юлькой побежала. Звала ее: «Юля! Юля! Подожди!» А Юлька, видно, сильно рассердилась, даже не обернулась. Летела, как угорелая!

– Догнала?

– Не знаю, они за домом скрылись. А, вспомнила! Транссексуал она!

– Откуда ты все это знаешь? – ужаснулась Людмила Петровна.

Катька пожалала плечами, озадаченная. До сего момента ее не терзали мысли об источниках знаний. Она просто знала, и все. Она могла бы ответить тетке обтекаемо – «оттуда!», но не хотела быть грубой.

Возможно, подобные знания сегодня впитываются человеком с материнским молоком, но скорее – с телевизором или вездесущим интернетом.

– А потом?

– Потом те парни из подъезда вывалились.

– Почему – вывалились? Они шумели?

– Да нет, тихо вышли. Только дверью бабахнули.

– И куда пошли?

– Туда же.

– За Юлей и Кирой побежали?

– Нет, не за ними. Просто пошли в ту сторону. Быстро.

– А в чем они были одеты?

– Ну, куртки... С капюшонами.

– С капюшонами?

– Ну да, в капюшонах они были все!

(Наверное, те, которых муж одной из теток видел).

– А как быстро они вышли? Прямо сразу?

– Нет, не сразу... Мы с Темкой пошли к мусорным бакам кошек кормить, а когда возвращались, они и выскочили.

– Много времени прошло? Долго вы их кормили?

– Не знаю... – с удивлением воззрился ребенок на тетку, пытаясь сообразить. Людмила Петровна осознала, что вопрос дурацкий: счастливые часов не наблюдают.

– А кто-нибудь еще из ребят был в то время во дворе?

– Нет, только нас с Темкой выпустили. Грязно же. Мокро.

– А потом?

– Потом – ничего... Ну, потом еще тетя Дуня пробежала, как ненормальная. А потом вы пришли.

– А как бегают ненормальные? Не так, как нормальные?

– Она бежит-бежит, потом остановится и руку к сердцу прижмет – задыхается. И все бормочет. На диету ей пора.

О, боже! Она не только философ. Ей и проблемы диетологии не чужды. Если уж она и была ослицей, то ослицей крайне наблюдательной. И вообще, разносторонне развитой!

– Ну, спасибо, Катя!

– За что? – удивился ребенок.

И правда, особо вроде бы не за что...

Людмила Петровна домой почти бежала, в маршрутку не стала садиться. Эмоции переполняли ее. И выплеснуть их, поделиться пережитым сегодня было не с кем, ее задушевные подружки блистательно отсутствовали. Правда, Зайка на днях должна возвратиться из своего санатория, а Милка вернется только под Новый год.

Какой-то криминальной столицей становится Артюховск! Был Ростов-папа, была Одесса-мама, а Артюховск тогда кто? Их позднее дитя?

Попавшей в эпицентр, как она полагала, криминальных артюховских событий, Люсе казалось, что на огромных российских просторах не сыскать другого такого места, где бы преступность так правила бал. Впрочем, Людмила Петровна немного лукавила: причастность к неординарным событиям приподнимает нас в собственных глазах. Даже к таким драматическим событиям, и даже косвенная причастность.

Дуня Горохова

Дуня позвонила ближе к вечеру и попросила Люсю подежурить за нее сегодня, мама в тяжелом состоянии.

– Конечно, Дунечка! Сколько надо – столько и буду дежурить! Не думай об этом! Как мама?

– Плохо! – осипшим от рыданий голосом сказала Дуня.

– Она в хирургии?

– В неврологии. У нее инсульт. Правую сторону парализовало.

– А... порезы?

– Порезы мелкие, их даже зашивать не стали. Хирург сказал, ее, скорее всего, пугали.

Просто тыкали перочинным ножиком. На фоне испуга и стресса – инсульт.

– Она в сознании?

– Да, но говорить не может. Пытается что-то сказать, напрягается, мучится, а я плачу – «мамочка, я не понимаю тебя!». Единственное, что, по-моему, разобрала по губам – «Юля». Представляешь, она даже в таком состоянии о Юльке думает! Всегда повторяла: «Душа за Юленьку болит. Что за характер, захочет – в ложке утопит, захочет – из моря вытащит! Ох, и наплачешься ты с ней!». А когда я угадала – «ты про Юлю говоришь?» – она так облегченно вздохнула и глаза закрыла. Вроде бы уснула. А меня на ночь хотят выпроводить. Говорят – больных полно, в коридорах лежат, что вы тут будете сидеть. Завтра приходите. Если не уговорю, с утра пораньше – к ней.

И зарыдала в голос:

– Мамочка моя! За что нам такое несчастье?!

– Дуня, Дунечка, успокойся! Пожалей себя, тебе силы сейчас нужны. Бог даст, обойдется!

(Не обошлось. Утром, когда Дуня примчалась в больницу, мама была без сознания и, не приходя в себя, умерла у нее на руках. Дуня кляла себя, что послушала врачей, не добилась, чтобы ей разрешили остаться на ночь. Кляла себя за то, что в свое время не настояла, чтобы

мама прекратила свой бизнес. Клясть себя она будет теперь всю оставшуюся жизнь, подумала Люся.

Есть ли на свете хоть один нормальный человек, который, хороня близких, не испытывает чувства вины за их уход? Не почувствовал, не уследил, недопонял, не сумел... Не сказал в свое время нужных слов или, наоборот, наговорил лишнего.

Боль со временем притупляется, но совсем от нее не избавиться. И чем дальше расстояние во времени со дня их ухода, тем светлее воспоминания. Очищаясь от земной шелухи, наши усопшие превращаются в чистые, безгрешные образы.

А потом приходит твой черед – уходить и передавать свою вину следующим за тобой. Не отсюда ли стремление воздвигнуть на могиле помпезный памятник, устлать холмик коврами из бумажных цветов? Избыть чувство вины хоть таким способом, когда приходит покаяние.

И у каждого своя, персональная неизбывная вина.)

Тем же вечером Люся позвонила Бурлакову.

– Ну, как ваши успехи?

– Ничего интересного, – с сожалением ответила Людмила Петровна. Только то, что вы, наверно, и так знаете. Примерно пятеро молодых людей, в разноцветных куртках с капюшонами, вышли из подъезда. Капюшоны подняты – лиц не разглядеть. Вроде бы парни. Там у них на пятом этаже живет такой Вовка-инвалид, в квартире которого что-то вроде трактира...

– Езенков Владимир Иванович, – подтвердил капитан.

– Возможно, это его гости. К нему, говорят, и конный, и пеший шли, всех привечал. Только я думаю...

– Ну-ну? – подтолкнул Бурлаков.

– Моя подруга, Людмила Ивановна, жаловалась не раз, что Вовкины гости приличиями себя не утруждают: поднимаются к нему так, что весь подъезд в курсе, а уж когда его покидают – лестница под ними трясется. Скачут через несколько ступенек, орут, хохот, мат... Разогрелись! А эти вышли тихо. Никто ведь не слышал?

– Да кому там услышать?! – поморщился Бурлаков. Будний день, кто на работе, кто на учебе, одна квартира на четвертом этаже вообще пустует, ваша подруга в отъезде. Первый этаж весь под офисы занят. У соседа Антонины Семеновны, что за стеной, телевизор орал, у хозяина проблемы со слухом. Обычное дело. Езенков клянется, что у него гостей в тот день не было, а сам, между тем, лыка не вяжет. При его-то материальных возможностях!.. Вернее, полном отсутствии таковых. Хотя на момент опроса, и правда, у него никого не было.

– С другой стороны, мы же не знаем, когда это случилось? Может, это несчастье с Антониной Семеновной произошло гораздо раньше, чем вышли молодые люди? – тонко намекнула она на ответную откровенность.

Бурлаков молчал.

– Ну нет, – продолжила логические построения Людмила Петровна, – раньше случиться не могло.

– Почему?

– Потому что вышли они после Юли и Киры. А, кстати, как грабители попали в квартиру? Дверь взломали? – спросила Людмила Петровна, решив не деликатничать и переть напролом, спрос – не убыток.

– Вот, вот! – расхохотался Бурлаков. – А я все жду, когда же вы зададите этот вопрос. Он должен был у вас возникнуть сразу. Эх вы, горе-сыщица!

– Да в сыщицы это ведь вы меня записали, Вадим Сергеевич! Это вы у нас – специалист по криминалу, а мне, слава богу, не часто приходилось сталкиваться с уголовщиной. Да еще и люди мне не совсем посторонние, растеряешься тут. Я весь день чувствую себя так, как будто меня по голове пыльным мешком стукнули!

– Не скромничайте, – отмахнулся Бурлаков. – А взлома не было. Да и как вы себе представляете? Старушка, я так понимаю, была особой деятельной и энергичной. И вот, ломятся к ней в дверь, а она чего-то ждет? Не звонит в полицию, не стучит в стенку, не кричит с балкона? Все равно кто-то услышал бы!

– Может, у нее тоже телевизор орал?

– Орал, да... Но взлома не было.

– Значит, сама открыла? Но эти молодые люди не вписываются в контингент клиентов Антонины Семеновны! Она открывала только знакомым, а с молодежью вообще предпочитала дела не иметь.

– Откуда вам это известно? Вы можете дать стопроцентную гарантию?

– Да, действительно... Это лишь ее утверждение... А отпечатки?

– Чужих нет.

– Ничего хитрого! Сейчас холодно, многие ходят в кожаных перчатках. Их могли просто не снимать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.